

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
**«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»**
Уральский гуманитарный институт
Кафедра иностранных языков и перевода

Особенности международного этикета: анализ текстов официально-делового стиля

Направление подготовки 45.04.02 «Лингвистика»
Профиль «Международная профессиональная коммуникация в евразийском
контексте»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

проф., д-р пед. наук

_____ Л. И. Корнеева

« ____ » _____ 2022 г.

Выпускная квалификационная работа

бакалавра

Галкина

Дарья Сергеевна

Нормоконтролер

доцент, канд. эк. наук

_____ Е.В. Язовских

« ____ » _____ 2022 г.

Научный руководитель

доцент, канд. пед. наук

Куприна Тамара Владимировна

« ____ » _____ 2022 г.

Екатеринбург
2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. РОЛЬ ЭТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СТРАН В СФЕРЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	Ошибка! Закладка не определена.
1.1. Теоретическое обоснование сущности межкультурной коммуникации в международном сотрудничестве.....	9
1.2. Основные коммуникативные формы этики.....	Ошибка! Закладка не определена.
1.3. Толерантность и проблемы межкультурной коммуникации мало совместимых деловых и этнических культур.....	Ошибка! Закладка не определена.
Выводы по 1 главе	333
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ АНАЛИЗА ТЕКСТА	Ошибка! Закладка не определена.
2.1. Концептуализация и категории лингвистического анализа текста	35
2.2. Концептуализация и категоризация понятия дискурса	532
2.3. Проблема соотношения и взаимозависимости «текст-дискурс» ..	631
Выводы по главе 2	754
РАЗДЕЛ 3. ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ.....	Ошибка! Закладка не определена.
3.1. Особенности текстов международных официально-деловых документов в системе классификаций текста	77

3.2. Функционально-стилистические особенности языка
международных официально-деловых документов **Ошибка! Закладка не
определена.**

Выводы по главе 3	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	Ошибка! Закладка не определена.
ПРИЛОЖЕНИЕ А	Ошибка! Закладка не определена.
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	113
ПРИЛОЖЕНИЕ В	114
ПРИЛОЖЕНИЕ Г	Ошибка! Закладка не определена.
ПРИЛОЖЕНИЕ Д	Ошибка! Закладка не определена.
ПРИЛОЖЕНИЕ Е	Ошибка! Закладка не определена.
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	Ошибка!

Закладка не определена.8

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время перед международным сообществом возникает множество вопросов относительно эффективных методов коммуникации и развития отношений в рамках государств и, прежде всего, на международной арене. Иностранные языки, служащие уникальным средством межчеловеческого общения и межкультурной коммуникации, широко используются в различных сферах деятельности человека и государств. Нарастание глобализационных процессов в современном мире приводит к резкому увеличению форм международной коммуникации на межгосударственном уровне. Здесь речь становится главным инструментом создания ряда письменных документов (текстов), выполняющих регулирующую, нормотворческую функцию такой коммуникации. Принимая этот аспект во внимание, целесообразно сосредоточить внимание на особых типах текстов регламентационного характера, а именно – на документах международных организаций, которые одновременно являются результатом коммуникативной деятельности людей и проявлением политической воли государств, выраженной языковыми средствами. Следовательно, рост политической коммуникации и недостаточность исследования этой проблематики определяют **актуальность** выбранной темы диссертационного исследования «Особенности международного этикета: анализ текстов официально-делового стиля».

Целью диссертации является исследование англоязычных текстов документов международных организаций, определение их структурных лексико-семантических, функционально-стилистических и дискурсных особенностей и их роли в процессе международной коммуникации.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- определить место и роль текстов документов международных

организаций в системе классификации международно-правовых документов;

- выделить структурные компоненты текстов документов международных организаций и определить их функциональную значимость;

- осветить специфику употребления лексических форм в текстах документов международных организаций;

- обозначить функционально-стилистические характеристики текстов документов международных организаций;

- проанализировать дискурсные особенности создания и функционирования текстов документов в общественном континууме.

Объект исследования – тексты документов международных организаций.

Предмет исследования – особенности структурных компонентов, лексико-семантический контент, функционирование и прагматика текстов документов международных организаций.

Материалом исследования служили тексты документов международных организаций – уставы, хартии, конституции, соглашения, резолюции, конвенции, декларации, пакты и т.д., отобранные с официальных сайтов интернет-ресурсов международных организаций.

Методологическую базу исследования составляют работы, посвященные принципам и концептуальным подходам лингвистики, политической лингвистики, дискурсологии и политической науки.

Текст, как центральный феномен лингвистики, учитывая широкое применение в современной науке и, несмотря на значительное количество работ, посвященных его изучению (Айгенвальд Р.[111], Бабайлова А.Е. [5], Бабенко Л.Г.[6], Барт Р.[9], Брендель А.[107], Валгина Н.С. [23], Гальперин И.Р. [29], Лотман М.Ю. [61], Тураева З.Я. [92], Хайнеман В. [114], Чувакин А.А. [99] и др.), не имеет четко сформулированного общепринятого определения, поскольку является многокомпонентным и сложным явлением, поэтому требует уточнения (ввода новых критериев) и учета особенностей текстообразования в соответствии с коммуникативной ситуацией и поставленных перед ним задач.

Дискурс как один из параметров коммуникации имеет важное значение в процессе исследования и анализа текста, что объясняется широким применением понятия дискурса как относительно текста, так и ситуации, в которой создается сам текст. Внимание акцентировано на концептуальных подходах к толкованию, пониманию и интерпретации дискурса (Бенвенист Э. [12], Т. ван Дейк[34], Кубрякова О.В[38], Макаров М.Я.[67], Серио П.[82], Стабс М.[119], Феркло Н. [113], Фуко М.[18], Харрис С.[114], Хартман П.[96], Шифрин Д.[120] и др.) и его соотношение с текстом как феноменом коммуникативной деятельности человека. В процессе выяснения соотношения дискурса и текста проанализированы работы таких российских и зарубежных исследователей, как Богранд Р.А.[107], Т. ван Дейк[123], Кук Г.[109], Попова К.А.[78] и др.

Методы исследования определены целью и определенными задачами: методы анализа и синтеза – для осуществления критического обзора литературы; сплошной выборки для подбора фактологической базы из официальных электронных ресурсов, лексикографических и энциклопедических источников; *описательный метод* – для выделения

типологических признаков и структурных компонентов текста; *метод этимологического анализа* – для установления происхождения названия документа; *метод структурно-семантического анализа* – для определения смыслового наполнения языковых единиц в тексте; *метод анализа словарных дефиниций* – для определения содержания изучаемых названий; *методы синтаксического и стилистического анализа* – для выделения синтаксических и стилистических особенностей текста документа; *метод сравнительного анализа* – для сопоставления полученных результатов; *способ процентных черт* – для определения процентного соотношения специальной лексики в текстах документов. Данные, полученные на всех этапах исследования, были верифицированы с помощью *метода количественных подсчетов*.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что:

- осуществлен анализ англоязычных текстов документов международных организаций с точки зрения структурных, лексико-семантических, функционально-стилистических и дискурсных особенностей;
- выделены документы международных организаций как вид политического текста в системе международно-правовых документов и межкультурной коммуникации;
- усовершенствовано определение коммуникативного процесса через призму расширения участников коммуникации и ее трактовки не с позиции персонального актора, а относительно деятельности коллективных акторов в виде государств-участников коммуникативного процесса, целью которого является заключение международной сделки;

- проанализированы соотношения текста-дискурса через призму документов международных организаций и установлены взаимообусловленность и взаимозависимость этих элементов;
- охарактеризовано употребление специальной лексики в текстах документов международных организаций;
- определена частотность употребления названий документов в зависимости от конкретных исторических обстоятельств.

Положения, представленные на защиту:

- 1) тексты документов международных организаций по своему содержанию являются политическими текстами, а по форме – документами дипломатично-регламентационного характера;
- 2) тексты документов международных организаций являются одновременно результатом и средством воплощения политической воли государств для совместного решения проблем международных отношений. Они создаются в результате политической коммуникации государств и других международных отношений и являются декларацией целей и механизмов деятельности институтов международного сотрудничества;
- 3) языковая база текстов документов международных организаций – специальная лексика – термины, терминосочетания, архаизмы, устоявшиеся словосочетания, названия должностей и институтов;
- 4) с точки зрения стилистических особенностей язык документов интернациональных организаций характеризуется логичностью, официальностью, безэмоциональностью, точностью, стереотипностью;
- 5) тексты документов международных организаций как цельные единицы характерны для высокого уровня реализации текстовых категорий связности, целостности, информативности и завершенности.

Теоретическая значимость состоит в научной разработке положений по созданию, функционированию и интерпретации текстов документов международных организаций как отдельного вида политического текста с его

особым местом в системе международно-правовых документов и межкультурной коммуникации.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования: для дальнейшего исследования дискурсных, стилистических, лексико-семантических особенностей текстов документов институтов многостороннего сотрудничества; для подготовки спецкурсов по лексикологии, лексикографии, деловой речи и во время преподавания английского языка на факультетах международных отношений; для создания документов, методических разработок, пособий, учебников, словарей.

Апробация материалов диссертации. Материалы диссертационного исследования были опубликованы в следующих статьях:

1. Особенности речевого поведения в разных странах // iScience “Актуальные научные исследования в современном мире”. 2021. № 1(69), Ч 6. С. 41-43.

2. Международный речевой этикет в деловой переписке // Матрица научного познания. 2021. № 6-2. С. 216-222.

3. Функционально-стилистические особенности языка международных официально-деловых документов. // Интернаука. 2021. № 41(217). С. 32-35.

Структура и размер работы. Диссертация состоит из введения, трех глав с выводами к ним, заключения, списка использованных источников (125 источников), четырех рисунков и семи приложений. Общий объем диссертации составляет 129 страниц.

ГЛАВА 1. РОЛЬ ЭТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СТРАН В СФЕРЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1.1. Теоретическое обоснование сущности межкультурной коммуникации в международном сотрудничестве

В современных условиях углубления глобализационных процессов в мире каждому профессиональному сотруднику, независимо от полученной им специальности, придется в своей профессиональной деятельности и в повседневной жизни развивать активные деловые и личностные коммуникативные контакты с носителями различных культур как в рамках родной страны, так и за рубежом. В свете этого в процессе формирования поликультурной компетентности необходимо продумать и обеспечить на практике такую структуру и содержание этой компетентности, которые соответствуют современным требованиям общества и позволяют их носителям успешно решать поставленные перед ними задачи в условиях поликультурного пространства [13].

Для уточнения разных имеющихся на сегодня точек зрения по этому вопросу целесообразно проанализировать научные труды ведущих российских и зарубежных специалистов в соответствующей отрасли.

Точки зрения ученых относительно определения сути и структуры межкультурной коммуникации отличаются между собой. Кроме того, взгляды ученых по этому вопросу нередко меняются со временем. В то же время ученые, как правило, в структуре этого личностного феномена выделяют такие основные составляющие: высокую межкультурную осведомленность, сформированность умения различать культурную самобытность представителей разных этносов, выявлять их культурные различия и эффективно общаться с этими людьми, исключая вмешательства в их культурную жизнь [40].

Некоторые исследователи отмечают, что межкультурная осведомленность человека комплексно охватывает такие компоненты (уровни проявления):

- развитость культурного сознания (усвоение соответствующих знаний, способность рассуждать, анализировать, критически мыслить в процессе осуществления межкультурной коммуникации);

- сформированность положительных эмоционально-ценностных отношений к другим культурам и их носителям (способность настроиться на положительные эмоции в процессе общения с представителями других культурных сообществ, проявлять в общении с ними толерантность и доброжелательность);

- приобретение конструктивного опыта взаимодействия с членами других культурных групп (способность выбирать оптимальные действия, способы, модели поведения в каждой конкретной межкультурной коммуникативной ситуации) [24].

В структуре поликультурной компетентности можно выделить три блока: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Когнитивный блок охватывает три основных аспекта: понимание человеком выбранной культуры, понимание системы коммуникации в рамках этой культуры, готовность к ее всестороннему познанию. К эмоциональному блоку относят мотивацию и гибкость поведения человека в процессе адаптации к новой культуре, проявление положительных эмоций в отношении другой культуры, чувство эстетического наслаждения от изучения ее достижений.

Поведенческий блок включает умения и навыки развития межкультурного взаимодействия, синергетические и стратегические способности, которые проявляются в готовности прогнозировать будущие изменения в коммуникации или внешней среде, своевременно и адекватно на них реагировать [37].

Межкультурная коммуникация объединяет в себе межкультурную осведомленность (владение универсальными культурными знаниями и специфическими знаниями по конкретной культуре), умение и навыки межкультурного общения, готовность использовать различные модели конструктивного поведения в процессе поликультурного общения, эмоциональную чувствительность, проявление положительных эмоций и ценностных отношений к различным культурам и их носителям.

Компетентность включает в себя когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты, причем важной составляющей этой компетентности считаются рефлексивные умения, позволяющие человеку объективно оценивать у себя состояние сформированности указанных компонентов.

Поскольку члены общества в процессе оценки поведения других людей руководствуются как критериями собственными индивидуальными ценностями, усвоенными социальными нормами и отработанными моделями поведения, объективная самооценка этих личностных параметров помогает лучше понять свои основные достоинства и недостатки, преодолеть узкую тенденцию собственного этноцентризма. Поэтому в практическом аспекте рекомендуется будущим специалистам осуществлять постоянную рефлекссию состояния сформированности собственной межкультурной коммуникации, систематически изучать эмоционально ценностные отношения к различным поликультурным объектам, стиль коммуникации с носителями других культур [94].

Таким образом, будущие международные специалисты должны научиться правильно оценивать свое эмоциональное состояние и отношение к собеседнику, ход и результаты выполнения собственных действий, что позволит им значительно повысить эффективность поликультурного взаимодействия. Кроме того, надо учитывать, что нередко люди из-за социокультурных различий партнера по коммуникации испытывают к нему негативное предвзятое отношение, которое возникает под влиянием прошлых неприятных воспоминаний, неблагоприятных для общения впечатлений от

контактов с представителями соответствующей социокультурной общности или в силу других причин. А это, в свою очередь, негативно настраивает человека на будущую коммуникацию с собеседником.

Однако часто человек не осознает, что его предыдущее настроение относительно будущей коммуникации в значительной степени влияет на эффективность дальнейшего поликультурного взаимодействия. В результате участник коммуникации не может точно определить объективные причины, возникшие у него во время общения и обусловившие недоразумение с собеседником. В контексте этого необходимо отметить, что рефлексивные умения, как важнейшая составляющая межкультурной коммуникации, помогают им заранее правильно оценить свое психологическое состояние и своевременно преодолеть предвзятые эмоции, уменьшив негативные последствия их влияния в будущем на ход и результаты поликультурного общения.

Наличие рефлексивных умений позволяет человеку также правильно оценить свой традиционный стиль поликультурного общения (например, это может быть ритуализированная форма осуществления коммуникации, наводящие вопросы, форма дебатов и т.д.). Стоит также уточнить, что выбранный стиль ведения диалога отражает степень желания по проявлению активности собеседниками как объектами коммуникативных воздействий, надежды относительно избрания каналов коммуникации, которые им больше нравятся (в частности, соотношение между языковыми и невербальными средствами коммуникации и т.п.), а также ожидания относительно фактического содержания общения и эмоциональной окраски передачи определенной информации, предоставляемой им как коммуникатором [68].

Рефлексивные умения дают специалистам возможность грамотно организовывать процесс самонаблюдения, который является эффективным способом лучше понять человеку персональный стиль общения, особенности проявления своих отношений с представителями различных социокультурных сообществ, осознать свое отношение к ним и их

традиционной культуре, а также другие типичные характеристики индивидуального коммуникативного поведения в поликультурной среде.

Люди обычно не спрашивают своего коммуникативного партнера о том, в какой мере его устраивает выбранный ими стиль общения, не просят оценить их действия. Однако на основе наблюдения за внешними реакциями своего собеседника коммуникаторы могут самостоятельно сделать выводы, насколько эффективен их традиционный стиль общения. Проявление наблюдательности в этом вопросе дает человеку возможность правильно оценить эффективность своего стиля общения, выявить его сильные и слабые стороны, а на основе этого усилить положительные характеристики и исправить недостатки процесса коммуникации, избежать использования неудачных стратегий общения, преодолеть собственные личностные недостатки.

Межкультурная коммуникация объединяет в себе индивидуальные культурные убеждения человека, способ его мышления, мотивацию в области культуры, представление о собственной национальной принадлежности, готовность к культурной адаптации в новых условиях и осуществление культурного обмена с представителями других этносов, умение строить отношения и эффективное взаимодействие с ними, а также другие составляющие [14].

Межкультурная коммуникация включает в себя умение осуществлять межкультурные познания (общение, понимание, сравнения), межкультурный выбор (референция, компромисс) и межкультурное общение. Причем необходимо подчеркнуть важность формирования у специалистов практического мышления, что является необходимой предпосылкой для овладения ими этих умений.

Таким образом, межкультурная компетентность включает:

- совокупность поликультурных знаний и умений (в частности, умение находить, оценивать, объяснять и использовать на практике информацию поликультурного характера, которая нужна для успешной межкультурной

коммуникации, узнавать об особенностях общения с носителями разных культур, учитывать в общении культурные детерминанты поведения своих собеседников, выделять и эффективно использовать имеющийся культурный контекст для обеспечения двусторонней адаптации коммуникативных партнеров, результативно действовать в имеющихся условиях коммуникации);

- соответствующие личностные качества (почтительность по отношению к собеседнику, терпимость к его культурным различиям, условий поликультурного сотрудничества и поведения своих собеседников, что необходимо для определения общих ориентиров, ракурса в понимании различных аспектов существующего поликультурного мира и его целенаправленного и осознанного преобразования, а также целей коммуникации и поиска точек соприкосновения во взглядах ее участников по их достижению);

- ощущение положительных эмоций по отношению к партнеру по общению, постоянная рефлексия их проявления в процессе взаимодействия.

Всё вышеизложенное можно обобщить в форме четырехкомпонентной концептуальной модели межкультурной коммуникации, включающей: межкультурное понимание, межкультурную эмпатию, межкультурное взаимодействие и межкультурную рефлексия человека. При этом необходимо уточнить, что межкультурное понимание является воплощением уровня сознания, важной составляющей которой является поликультурные знания. Межкультурная эмпатия относится к эмоциональному уровню, на котором ведущую роль играют эмоции и межкультурные ценностные отношения как ключевые элементы эмоциональной сферы личности [90].

В свою очередь, практическая реализация указанной компетентности человека связана с его реальным поведением, с применением соответствующих умений и навыков в межкультурном взаимодействии, что происходит в определенном поликультурном поле. Межкультурная рефлексия фокусирует внимание человека на изучении и сравнении

различных культур, позволяет не только определить различия между ними, но и своевременно выявить изменения в процессе развития отдельной культуры.

Названные компоненты тесно связаны, однако они не находятся в четко определенном упорядочении между собой, что могло бы автоматически обеспечить успешность решения людьми имеющихся проблемных межкультурных ситуаций.

Далее, более подробно характеризуя каждый из представленных компонентов разработанной конструкции, необходимо отметить, что первый компонент - межкультурное взаимопонимание - является основным условием, предпосылкой и теоретическим фундаментом для успешного осуществления поликультурного взаимодействия. Такое понимание, прежде всего, обеспечивается усвоением человеком поликультурных знаний, которые исследователь делит на две группы: на знание так называемой «большой культуры» и знание «малой культуры» [22].

В научной литературе к первой из этих культур относят институционализированную материальную этническую культуру, которая существует объективно и находит свое воплощение в различных выработках человеческого труда (например, в традиционном искусстве, народных ремеслах и т.д.). Так называемая «малая культура» относится к нематериальной, субъективной культуре, она включает в себя определенные духовные идеи, взгляды, исторические интерпретации, социальную политику принимающей страны и страны происхождения иностранца как участника общения, общепринятые моральные нормы и правила поведения, данные исторического и культурного сравнений стран, выходцами из которых являются участники поликультурного общения, а также процесс осуществления поликультурного образования молодежи и обеспечение ее адаптации к новым социокультурным условиям [101].

Усвоение первого компонента поликультурной компетентности предполагает понимание и овладение базовыми знаниями родного и

иностранных языков (например, иностранные студенты должны изучить местный язык в стране обучения), освоение культурных табу и культурных норм, культурных различий между различными этническими группами, освоение эффективных способов обеспечения адаптации к другим культурам и тому подобное. Причем в процессе усвоения специалистами первого определенного компонента важно обратить их внимание на то, чтобы они использовали достоверные источники информации.

Второй компонент поликультурной компетентности - межкультурная эмпатия. Характеризуя этот феномен, необходимо выделить несколько различных смыслов этого понятия [64]:

1) эмпатия как состояние познания и эмоций человека, предполагает понимание мыслей других людей, их внутреннего психологического состояния и точек зрения самих людей относительно этого состояния;

2) эмпатия как эмоциональный отклик, появляется на основе понимания эмоционального состояния других людей;

3) эмпатия как сожаление, что выражается в способности человека проявлять чуткое, сочувственное отношение к переживаниям, неприятностей, несчастье окружающих людей. Такая способность обеспечивается сочетанием познавательных и эмоциональных способностей человека, наличия у него способности различать и хорошо понимать эмоциональное состояние коммуникативных партнеров, вызывает в ней социально похожие (то есть адекватные) эмоциональные реакции, которые он демонстрирует своим собеседникам.

Межкультурная эмпатия проявляется также в готовности человека воспринимать и принимать различные точки зрения людей как представителей конкретных культурных сообществ, проявлении позитивного отношения и уважения к ним, осуществлении деликатного наблюдения за своим собеседником, демонстрации готовности «управление собственными впечатлениями» и «приеме различий», а также в способности правильно

интерпретировать межличностные отношения на основе осознания эмоционального состояния каждого участника взаимодействия [103].

Относительно следующего компонента межкультурной коммуникации-поликультурного взаимодействия – необходимо отметить, что оно должно реализовываться на основе проявления человеком уважения к культурным различиям собеседника, готовности к защите свободы слова, является важной предпосылкой идеологического и культурного прогресса человечества [73]. Необходимо подчеркнуть, что при избрании определенного стиля поведения с носителем другой культуры человек должен руководствоваться не только собственными, но и общественными интересами. В то же время проявление им толерантности и открытости не предусматривает отказа от своей собственной культуры. Однако нельзя допускать и противоположной ситуации, когда молодежь воспринимает другую культуру с позиции «завоевателя».

В начале 80-х гг. XX столетия коммуникация была охарактеризована как экономическая категория и форма общественного блага, влияющие на формирование и постоянное развитие всех областей общественной жизни. Уровнем развития коммуникаций, согласно мнения ученого, является критерий общественного прогресса, которым обеспечивается благодаря сокращению сроков введения новаций, увеличению их скорости циркулирования и появлению новейших автоматизированных систем, направленных на продуцирование динамических процессов формирования и развития общества. В таком ракурсе коммуникацию рассматривают как важный социокультурный аспект развития общества, влияющий на формирование общественного мировоззрения, понятия свободы и демократии в целом и стиля мышления в частности.

Немецким ученым Р. Минцем, отмечается специфическая детерминация в развитии общества, проявляющаяся через тотальную зависимость динамики общества от коммуникации, и, таким образом «жизнь общества в стратегическом отношении определяется именно

коммуникацией» являясь при этом важным элементом социальной эволюции, что непосредственно приводит к процессу непрерывной социальной эволюции, задающей четко обозначенные параметры изменения условий развития общества [61].

Кроме всего прочего, коммуникация, выступая как стратегическое средство развития современного общества «открывает новые возможности», которые освобождают человека от предыдущих ограничений, системы социального контроля и общественного принуждения, наблюдается отставание норм устоявшихся в общественной жизни от современных тенденций развития». С учетом данного аспекта, коммуникация обладает собственной логикой и собственной динамикой, являющимися важными факторами в противостоянии соответствующим вызовам общественного развития, что способствует формированию открытости общества.

1.2. Основные коммуникативные формы этики

Вопрос о конкретных механизмах определений и воздействий, которые осуществляют коммуникативные сообщества на формирование данных фундаментальных мировоззренческих представлений, истоки которых теряются в глубинах нашей субъективности, и благодаря которым действительность уже на ранних этапах истории возникает собственно как мир человека - с его базовой оппозицией жизни и смерти - есть недостаточно проработанным.

Эти сообщества, что за своей сутью являются следствием трансцендирования человека в мир, источником своего образования имеют или объединение людей для предметно-практического осуществления базисных функций (семья, работа и экономика вообще), или является прямым проявлением институционализации этих отношений, закрепленных во властную регулятивную систему, что приводит к консолидации людей на основании единства государственного бытия, или возникает как солидарная

коалиция людей, возникает благодаря их единодушному согласию относительно принципов духовно-практического решения фундаментальных проблем бытия.

Эти сообщества производят соответствующие мировоззренческие тексты как широкое обоснование уже вполне эксплицированных жизненных смыслов.

Общение субъектов культуры ведет к созданию в их сознании определенных идеальных образов, на которые они ориентируются. Совпадение этих образов делает их общение, ибо общие элементы в идеальных представлениях, что воспроизводит каждый из субъектов коммуникации, в процессе контактирования формируют общее смысловое поле, которое, собственно, и является типологически определенной картиной человеческого мира. Это поле состоит из соответствующих культурных текстов [54].

Классификационно отличные тексты, выражающие фундаментальные мировоззренческие установки, фактически формируя особое исторически определенное видение мира, в своей содержательно-типологической части автогенерируются в зависимости от коммуникативных систем определенной исторической общности, а источником этого предметнозаимственного синтеза смыслов на основании автогенерирования мировоззренческих инвариантов возникают определенные идеальные образы, сложившиеся в этих системах на основании развития выходных феноменологически данных установок.

Иными словами, «ветви» «деревя» культуры, что вырастают из трансформированных в процессе их очеловечивания базовых функций, есть, по сути, специфически данным коммуникативными сообществами [4]. Однако, каким образом их «довербальные» истоки определяют аналогичную семиотизацию мира вещей, воспроизводя картины мира в смысловых контекстах?

Проблема заключается в том, что сами по себе «сакральные наглядности» универсально-культурного (экзистенциального) сорта на стадии своей неотделимости от индивидуального рационального невербального рефлексивного самосознания человека не могут служить за определенную общую «мировоззренческую» субстанцию. Вместе с тем существуют сомнения, что именно эти феноменологически данные мировоззренческие смыслы образуют реальное основание мировоззренческих установок. Но каким образом?

Реально функции «субстанции» (основания) мироотношения и мировоззрения выполняет «жизненный мир» (собственно, коммуникация).

Иными словами, именно ограниченность количества возможных мотивов и корней для коммуникативных отношений людей, что восходят к базисным жизненным функциям и фундаментальной мировоззренческой установки на продление существования, определяет формирование таких «человеческих миров», которые являются воплощенной проекцией указанных функций и отношений на объективную реальность. Они, эти отношения и функции, и являются теми глубинными основаниями, которые обеспечивают преемственность культурного развития в одной культуре и формируют коммуникации между отличными культурами, сходя, в конце концов, к базисным жизненным функциям и фундаментальному стремлению к увеличению жизни [50].

Вовлекаясь в системы объективно существующих социальных коммуникаций и сообществ (которые формируются под влиянием окультуривания базисных жизненных функций человека), человек, социализируясь, становится собственно человеком. «Внутренний мир» человека формируется через интериоризации указанных схем действия и общения, то есть, коммуникативных за своей природой факторов, что теперь возникают как мировоззренчески-жизненный комплекс идеальных смыслов, значений и установок.

Кажется, что интериоризированные объективно коммуникативные схемы становятся достоянием некоторого нашего «тотального» «Я», и на их основании становится возможным общение с другими «Я». Но коммуникации личности с другими людьми предстают не просто как отношение моего вроде целостного «Я» к «Они». Внутри моего «Я» является «Я» «сокровенное», «внутреннее», «психологическое» и «Я» лицо, и оно является тем «Я», которое другими людьми в процессе коммуникации часто отождествляется с глубинным аутентичным «Я» личности. «Внутренний диалог» между этими нашими «Я» определяет коммуникативную природу нашей субъективности. Однако этот внутренний диалог происходит таким образом, что человек «не становится на сторону «оппонентов», наблюдая их состязание вроде со стороны.

«Наблюдателем» здесь стоит «самостное» «Я». Ясно, что это внутреннее «самостное» «Я» не можно однозначно вывести ни из заимствованных извне через интериоризации объективных коммуникативных структур, ни свести к его экстериоризации через реализацию этого «внутреннего» «Я» в социальных ролях, которые лицо «играет» в объективных интересубъектных коммуникациях, поскольку данное «Я» имеет очевидную автономию и несомненную тождественность с указанными коммуникациями [74].

Не смотря на многообразие «мировоззрений», все люди имеют идентичный феноменологический опыт. «Прозрачность» этих выходных феноменологически данных базовых жизненных «смысловых единиц», их инвариантность и тождество у всех людей (все люди в «герменевтичном» смысле «понимают», что такое рождение, жизнь, смерть и бессмертие в их «чистом», феноменологическом смысле) дает возможность взаимопонимания между ними в «интерсубъективной сознательной жизни в системе «жизненного мира, на основе чего становится возможным также экзистенциальная коммуникация, опорными пунктами которой являются закрепленные в знаках (языке) определенные смысловые единицы - до этого

выраженное содержание уже начинает воплощаться в слове, через которое этот смысл получает бытие. Таким образом, проявляется коммуникативная природа и нашего сокровенного третьего «Я». Эти смыслы через коммуникацию получают, наконец, предметно выраженную репрезентацию в картинах мира.

Таким образом, в смысловых параметрах мира является еще и «неявные» и «неестественные» значения, поскольку далеко не все они формируются благодаря языковой коммуникации и функционируют эксплицировано. Идеи, смысловые структуры, могут удерживать в себе интенционную бесконечность, не являются подобными реальными вещам в пространстве. Если быть более точными, окружающий мир не является объективным миром в нашем понимании, а есть представлением о мире, то есть собственной субъективной значимости со всеми присущими ей реалиями [72].

Итак, материальный, конечный мир вещей начинает насыщаться сверхчувствительными жизненными смыслами путем предоставления им соответствующих значений, вектор движения которых идет от сознания человека к миру вещей и явлений.

Однако придания феноменологически данным исходным базовым смыслам статуса атрибутов «внешнего» мира является процессом опосредованным. Подобная идеальная по содержанию символика мира возникает только в процессе знакового взаимодействия нескольких индивидов как результат спонтанного связывания ключевых, эмоционально напряженных предметных смыслов, что является обобщениями общего опыта, с определенными отдельными образами и явлениями материального мира. Это является первоначальной формой диалогических процессов, в которых непосредственно производится язык и другие культурные формы смыслообразования. В свою очередь, интериоризация символических структур образует внутренние смысловые модели, «схемы» сознания, становятся

порождающими механизмами конкретно ситуативных смыслоформирований в процессах общения и деятельности.

Каким же образом непосредственно феноменологически данные, довербального отрефлексированные и автокоммуникативно осознанные, индивидуально-интенционно проявленные, действенно-коммуникативно (через общественную деятельность и общение) реализованные, знаково-символично представленные и в производных от образованных сообществ институтах объективированные эти «смысловые единицы» становятся достоянием окружающего мира, который является духовным созданием в нас и в нашей исторической жизни?

Базовые жизненные интенции в их нацеленности на собственную реализацию побуждают к определенным коммуникативным актам - ни пищевое, ни информационное влечение не «аутично». Но эти влечения не следует понимать как чисто природные - их сущность возникает уже изначально человеческой, хотя и не всегда человеческой [10].

Источником субъективности, является изменение механизма жизнедеятельности (ясно, что во всех ее предельных проявлениях, когда объективные взаимосвязи поделились на внешние и такие, что имеют преломления внутри определенного сообщества. Эти влечения, сначала пусть и минимально очеловеченные, является довербально отрефлексированными именно как коммуникации внутри определенного сообщества (если хочу что-то сказать, то - «кому-то»).

В процессе такого общения возникает феномен идеального, где смысловые единицы возникают для всех участников коммуникации как конвенционально (в данной общине) идентичными. Эти, уже «экстравертированные», обращенные наружу, сначала только феноменологически данные смыслы, обогащаясь дополнительными значениями, полученными уже не через «субъективно интровертивный» опыт, а через интерсубъективный чувственный и умственный опыт коммуникативного общения в субъектной связке, в свою очередь, в границах

чувственно-сверхчувственного миропонимания, проецируются на объективную реальность.

Анализируя мир культурных значений, первичные системы означивания, семиотизацию жизни, коммуникативные схемы и процессы в культуре, можно определить общую коммуникативную модель сознания. Последняя предусматривает два варианта коммуникации, определенные источником получаемой информации - от природы и от других людей. Иными словами, объективированные коммуникативные структуры, что определяются как субъект-субъектные формируют такие ценностные установки, которые возникают как регуляторы отношений между людьми, и в этом заключается еще один, этический, аспект понимания коммуникативного субъекта как источника человекозначущих смыслов, которые, спроектированные на внешний мир и «отразившись» от него, возвращаются к самим людям как знаковые сигналы и явления.

Поскольку базисными, исходными смысловыми единицами, изначально данным только в феноменологическом опыте и эксплицированными в нерационализированном «жизненном мире», являются те фундаментальные довербальные смыслы, которые возникли как отражение, а лучше сказать, как внутреннее опытное ощущение «Я» самоочевидных данных в их первичном проявлении установок, влечений и интенций, направленных на поддержку собственной жизни и преодоление её конечности, то именно в этом направлении и должен двигаться поиск оснований для адекватного понимания отличных коммуникативных сообществ.

Однако, будучи «порождением» выходных базисных установок и интенций, отрефлексированные мировоззренческие установки как их объективация только тогда актуализируют свои мировоззренческие функции, когда в процессе своей социализации каждый человек установит их «близость» к собственным довербальным и дорефлексивным данным базисных жизненных интенций и установок, среди которых центральное

место занимает идея ценности жизни. Сознательное осуществление этой процедуры представителями отличных, противоположных или даже антагонистических мировоззрений открывает перспективу установления между ними взаимопонимания на основе нахождения окончательного обоснования желанной коммуникативной философией этики ответственности при соблюдении вполне приемлемых для всех них условий.

Коммуникативная философия стремится изобрести такие предельные обоснования отношений между людьми в различных сферах их активности - от научно-познавательной к политической и правовой, которые имеют по этим отношениям несомненный и регулирующий характер. В этом аспекте ответ на поставленный выше вопрос таков: коммуникативное обоснование отождествляется с определенными конечными основами для рационального обоснования универсальных моральных принадлежностей. В конце концов, это обоснование сосредоточилось на формулировке ключевых принципов «этики ответственности», важнейший из которых в форме категорического императива звучит следующим образом: поступай так, чтобы последствия твоих поступков не стали на преграде другому человеку или общества. Это является базовой этикой человека [1].

Итак, это и есть то базисное универсально-культурное основание «этики», с которым, собственно говоря, отождествляет себя коммуникативное обоснование. Методологически сознательный поиск и «документальная» констатация тождества найденных через этот поиск указанных выше предельно-мировоззренческих «чистых смыслов» в «редуцированные» за известными процедурами различных мировоззренческих текстах и их фундаменталистских установках как определенного их смыслового инварианта, имеющегося у всех людей и у всех рас, культур и времен, является прямым путем к превращению этики в действенный инструмент достижения общечеловеческого понимания.

1.3. Толерантность и проблемы межкультурной коммуникации мало совместимых деловых и этнических культур

Каждый современный специалист, стремящийся к профессиональной подготовке в области внешнеэкономических и социальных взаимоотношений должен, с одной стороны, постоянно совершенствовать свои знания собственной национальной культуры, признавать и ценить ее, а с другой - проявлять в своем поведении уважение к другим национальным культурам, осознавать важность для их носителей учиться друг у друга, искать общий язык и идти на разумные компромиссы, сохраняя при этом собственные национальные различия.

Для успешного осуществления поликультурного взаимодействия специалисты должны овладеть межкультурной коммуникативной компетентностью. При этом необходимо отметить, что во время общения люди больше внимания обращают именно на коммуникативные способности собеседника, чем на более скрытые проявления его культурного самосознания и отношения к различным культурам, которые часто вообще игнорируются. Однако поликультурную компетентность нельзя сводить только к межкультурной коммуникативной компетентности, которая проявляется в способности человека демонстрировать адекватное коммуникативное поведение в определенном культурном контексте. Ведь поликультурная компетентность является более сложным, широким и богатым по содержанию феноменом, чем другая из указанных компетенций. Вместе с тем специалисты должны осознавать, что межкультурная коммуникация компетентность занимает важное место в структуре поликультурной компетентности личности [70].

Как отмечалось ранее, последним компонентом в модели поликультурной компетентности является межкультурная рефлексия. Характеризуя этот компонент можно сослаться на идеи известного западного ученого, основателя концепции «отражение в действии» Д. Шона, который

выделил два вида рефлексивной практики: «отражение-на-действие» и «отражение-в-действии» [36]. Первая из этих практик предполагает, что человек направляет рефлексю на проведение анализа, оценки своих действий, выполненных в прошлом, выявление их положительных и отрицательных последствий. Другая рефлексивная практика связана с анализом и оценкой человеком своих текущих действий, то есть действий, происходящих во время самонаблюдения за ними в реальном времени. Важно, чтобы специалисты могли задействовать в процессе поликультурного взаимодействия оба вида рефлексии [83].

На основе учета идей Nieto S. также утверждает, что сформированность у человека поликультурной рефлексии направляет человека на совершенствование своего знания иностранного языка, овладение новыми знаниями, идеями о различных аспектах новой для него культуры, овладение методами обеспечения взаимообогащения родной культуры и культуры, носителем которой является собеседник, проявление стремления к активному тесному взаимодействию с ним и готовности к его осуществлению [125].

В указанном научном источнике отмечается, что тесное взаимодействие между внутренними частями межкультурной коммуникации является важным залогом обеспечения успешности межкультурного общения и реализации целесообразного поведения человека с носителями других культур. Стоит также учитывать, что культура как феномен является не статичной, а созданной людьми социальной конструкцией, которая находится в состоянии постоянного развития.

Человек при осуществлении поликультурного взаимодействия руководствуется как осознанными, так и неосознанными, интуитивными знаниями и опытом (эти знания и опыт были усвоены им ранее, однако в настоящем используются практически мгновенно, без рационального осмысления). Однако для успешного поликультурного взаимодействия таких знаний и умений недостаточно. Инициатор общения должен осуществлять постоянный анализ имеющейся ситуации, вербальных и невербальных

сигналов от собеседников и проводить рефлексию собственных действий, что позволит ему своевременно вносить необходимые изменения в свое поведение.

Межкультурная коммуникация включает в себя следующие компоненты: поликультурные знания, умения, навыки, внутренние эмоции и эмоционально-ценностные отношения, культурную осведомленность, что обеспечивает понимание сути различных культурных явлений, их характеристик и взаимосвязи, наличие проницательности и способности к оценке культурных феноменов, действий представителей разных культур и самооценки и поведения.

Межкультурная коммуникация проявляется как соответствующая способность человека, проявляющаяся на трех уровнях: знание, отношения и навыки. Уточняя их содержание, исследователь отмечает, что в состав этой компетентности входят [32]:

1. Поликультурное знание:

- общекультурные знания (в частности знания об определении, характеристике и содержании культуры, знание о связи между языком и культурой, знание о влиянии культуры на восприятие, отношение и поведение каждого человека, знание о влиянии различных социальных факторов (возраст, пол, статус, доход) на поведение человека, знание о «культурном шоке» и стратегии культурной адаптации);

- специальные культурные знания (знание о «великой культуре» носителей целевого языка и своего народа, знание о «малой культуре» носителей определенной языка и своего народа, практически ориентированные знания о целевой и родной культуре; социолингвистические знания, сформулированные на целевом и родном языке).

2. Поликультурные умения и навыки:

- общекультурные умения и навыки (умение и навыки культурной адаптации, умение и навыки культурной интерпретации, правильной оценки

различных явлений культуры и поведения, вербальных и невербальных реакций носителей разных культур, умение и навыки культурного обучения, умение и навыки межкультурной коммуникативной взаимодействия);

- культурно-специфические умения и навыки (умение и навыки, определяющие коммуникативное поведение человека в пространстве целевой культуры, умение и навыки, необходимые для объяснения и оценки целевых культурных явлений и ситуаций, умение и навыки, необходимые для осуществления сравнения и сопоставления национальной и целевой культуры).

3. Отношение к поликультурным феноменам:

- отношение к феноменам общей культуры (положительное отношение к разным культурам; позитивное отношение к культурному обучению; культурный релятивизм по культурному многообразию);

- отношение к феноменам целевой и родной культуры (положительное отношение к целевой культуре, позитивное отношение к носителям целевой культуры, объективное отношение к культуре своего народа и к своей собственной культуре).

Центральное место в структуре поликультурной компетентности занимает межкультурная коммуникативная компетентность, состоящая из языковой коммуникативной компетентности, невербальной коммуникативной компетентности, способности к трансформации лингвистических правил и коммуникативных правил, а также способности к культурной адаптации в среде межкультурной коммуникации.

Важным компонентом поликультурной компетентности специалистов является способность к самостоятельному мышлению, потому что это позволяет им оперативно реагировать на сложившуюся ситуацию и принимать в ней оптимальные решения. Поэтому в процессе формирования этой компетентности рекомендуется уделять значительное внимание очерченному вопросу [89].

Продолжая развивать идеи других ученых о признании знаний как важного структурного компонента межкультурной коммуникации, Ху Вэньчжун и Гао Ихонг предлагают учитывать при анализе ее состав и структуру самой культуры как уникального феномена [126]. Как известно, культура включает материальную (реальные объекты, которые были преобразованы в процессе деятельности людей) и духовную (язык, духовные ценности, обычаи, образ мышления, эстетические вкусы, нравственные чувства, религиозные представления, национальная психология, межличностные отношения и т.п.) составляющие. На основании этого авторы утверждают, что усвоение знаний о всех основных аспектах различных этнических культур, является важным компонентом межкультурной коммуникации личности.

Лин Дацзинь и Се Чаоцюань отмечают, что в процессе формирования поликультурной компетентности молодые педагоги ведущее внимание уделяют изучению студентами культурных традиций [126]. Однако эта компетентность должна обеспечивать успешность осуществления человеком различных форм межличностного общения и межкультурной коммуникации. Поэтому важно организовывать овладение молодыми людьми умений реализовывать межкультурную деловую переписку и другие формы письменной коммуникации, а также предусмотреть усвоения будущими специалистами умений грамотно реализовывать устное общение (деловое и личное), включая оптимальный выбор его невербальных средств.

Во время проведения исследования полезными также стали выводы Яна Мина, который определил основные навыки межкультурного общения, которое является органическим компонентом поликультурной компетентности [127]. Как считает автор, эти навыки человека должны обеспечить: способность к проявлению эмпатии, толерантности, позитивного эмоционально-ценностного отношения, уважения к собеседнику; способность своевременно найти источник с нужной для общения информацией и адекватно ее использовать; способность оперативно

управлять коммуникативной связью с собеседником; способность выбирать оптимальную форму ролевого поведения для выполнения поставленной задачи и реализовывать ее на практике; умение правильно объяснить партнеру по коммуникации свою позицию, проанализировать и оценить его слова и реакцию на свои предложения и т.д.

Межкультурная коммуникация включает умение человека четко выразить свои мысли с помощью языковых средств и правильного понимания слов своего собеседника (то есть свободное владение языком), а также способность к осуществлению межкультурной интерпретации сказанного, основанная на анализе подтекстов выраженного, своих субъективных и объективных оценок и имеющихся реалий. Также отметим, что процесс межкультурного общения является не только лингвистическим, но и социальным феноменом, субъективной практической деятельностью человека, которая осуществляется с целью удовлетворения ее конкретных потребностей [65].

В свете изложенного необходимо отметить, что межкультурное общение требует не только свободного владения человеком вербальными и невербальными средствами общения, понимания смысла сообщений, но и установление того факта, что выбранная модель коммуникативного поведения лица позволила выявить новые культурные объекты, достижения, ценности народа, к которому принадлежит собеседник. У человека должны быть сформированные умения критически обдумывать и анализировать собранную информацию и на этой основе делать собственные выводы о возможности ее творческого использования в собственной практической деятельности. Очевидно, что осуществление глубокого анализа процесса реализации межкультурных отношений с партнером как представителем другой культуры выходит за пределы механического перевода его речи или простой констатации коммуникативных действий человека. Результатом такого анализа должно стать переосмысление участником межкультурного взаимодействия ценности исследованного межкультурного объекта на основе

предметной практики и выявления у него определенных межкультурных контекстов, которые представляют личностную значимость для субъекта, обновление его личностных ценностей. На основании изложенного можно утверждать, что сформированность описанных выше умений, является необходимым условием для возможности обогащения личностью собственного коммуникативного опыта и уровня сформированности поликультурной компетентности, поэтому эти умения автор считает важным сложным в этой компетентности.

Ключевым компонентом межкультурной коммуникации человека является поликультурные навыки, обеспечивающие его способность приобретать новые культурные знания и применять их на практике, то есть в процессе реального коммуникативного взаимодействия. Однако эффективность проявления этих навыков во многом зависит от усвоения личностью других компонентов этой компетентности: поликультурной грамотности (осведомленности), межкультурной ответственности, рефлексивных умений, способности к проявлению мобильности и креативности [79].

Большинство ученых при определении структуры поликультурной компетентности личности обращают внимание на такие два основных аспекта: проявление этой компетентности в конкретной поликультурной среде и обеспечение эффективности действий и поведения человека именно в рамках данной среды. На основании этого выделяют такие компоненты в составе указанной компетентной: сформированность поликультурных знаний и сознания, навыков, необходимых для осуществления поликультурной взаимодействия, социально значимых толерантных отношений, которые должны доминировать в поликультурной среде.

Выводы по 1 главе

Изучение научной литературы по исследуемой проблеме показывает, что различные ее аспекты были в центре внимания многих ученых. В частности, учеными доказано, что сформированность межкультурной коммуникации у членов современного общества в значительной мере определяет успешность жизнедеятельности каждого из них.

Как установлено в исследовании, обострению проблемы формирования межкультурной коммуникации специалистов, преобразование этой проблемы в важнейший объект научных изысканий ученых способствовало ускорение глобализационных процессов, активной интеграции современного государства в научное, экономическое, образовательное европейское и мировое пространство. Причем указанные исследования проводились под значительным влиянием научных исследований и выводов западных ученых, поэтому определение ключевых понятий в значительной мере коррелируют с их толкованием европейскими и американскими учеными.

На основе обработки научных трудов российских и зарубежных исследователей, сделан вывод о том, что в диссертации под межкультурной коммуникацией понимается интегративное личностное образование, которое комплексно сочетает в себе знания, умения, качества, ценности человека, которые обеспечивают его способность эффективно взаимодействовать с представителями других культур на принципах взаимоуважения, взаимопонимания и толерантности, а также готовность сохранять и в дальнейшем развивать разнообразия форм культурного самовыражения в условиях глобализирующегося общества.

Как установлено, в понимании учеными из разных стран состава и содержания этой компетентности наблюдаются определенные различия. Однако в целом сделан вывод о том, что точки зрения американских и европейских ученых (в том числе России) по проблематике обозначенного вопроса в значительной степени согласуются между собой.

В исследовательской работе также уточнено, что межкультурной коммуникация специалистов включает следующие структурные компоненты: мотивационно-потребностный (развитость мотивов по овладению знаниями и умениями поликультурного взаимодействия, наличие потребности в их постоянном совершенствовании) эмоционально-ценностный (проявление положительного ценностного отношения к другим культурам и их носителям, ощущение положительных эмоций от общения с представителями других социокультурных сообществ) когнитивно-функциональный (сформированность знаний о сущности культуры, культурные особенности разных народов, правила и нормы межкультурной коммуникации, а также умений, необходимых для осуществления поликультурного взаимодействия: интеллектуальных, организационных, коммуникативных, рефлексивных) личностный (сформированность личностных качеств, необходимых для реализации поликультурного общения: эмпатийность, толерантность, доброжелательность и т.д.).

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ АНАЛИЗА ТЕКСТА

2.1. Концептуализация и категории лингвистического анализа текста

Феномен текста как общественно, социально и политически значимый элемент занял заметное место в ряде научных работ по лингвистике в частности и филологии в целом.

Если взять за основу тезис о том, что предметом теории текста является текст, следует констатировать, что само понятие текст не имеет общепринятого определения. В работе, посвященной вопросам лингвистического анализа художественного текста, исследовательница Л. Г. Бабенко отмечает, что общепринятого определения понятия текст не существует и что, отвечая на этот вопрос, авторы определяют это понятие по-разному, основываясь на различных аспектах этого явления [6]: О. Л. Каменская – основополагающую роль текста как средства вербальной коммуникации [41]; А.А. Леонтьев – как функциональную завершенность речевого произведения и т.д. [59]. Как свидетельствует анализ научной литературы, в большинстве своем авторы обращаются к определению известного лингвиста И. Г. Гальперина, согласно которому «текст – это результат речевой деятельности, характеризующийся завершенностью, в виде письменного документа, литературно оформленный в соответствии с видом документа, состоящий из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых образований), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи; имеет определенную целенаправленность и прагматическую установку» [29].

Сегодня текст как объект изучения привлекает внимание специалистов разных научных сфер, прежде всего – лингвистов, сосредоточивших внимание на функционально-коммуникативных качествах языка, средства выражения которого и составляют основу текста. Не случайно понятие

«текст» часто наблюдается в терминах лингвистического плана – грамматика текста, стилистика текста, синтаксис текста, лингвистика текста. Однако именно в языкознании понятие «текст» не получил до сих пор четкого определения. Пожалуй, свести это понятие только к категориям языкового плана не удастся по причине его многоаспектности. Поэтому определение типа «единица больше, чем просто предложение», «последовательность предложений» и т.п. не всегда оказываются корректными, поскольку подчеркивают собственное «построение» текста и его структурные элементы, оставляя без внимания лингвистические признаки. Учитывая смысловой компонент, текст – не только обычная совокупность предложений, но и реализуется через них. В то же время, суть текста определяется мотивом его создания.

Многоаспектностью феномена текста объясняются разные его определения – языковое произведение, знаковая последовательность, информационное пространство и т.д. Например, в семиотике под текстом понимается осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации, в частности обряд, танец, ритуал и т.д. [23]. В филологии (в частности, в языкознании) под текстом понимают последовательность вербальных (словесных) знаков. Поскольку текст имеет определенный смысл, то он, прежде всего, коммуникативный, так что его следует рассматривать как коммуникативную единицу.

Термин текст (лат. *textus*) означает ткань, сплетение, соединение.

Собственно, поэтому важно определить и то, что соединяется, и то, как и зачем соединяется. В любом случае, текст – это объединенная по смыслу последовательность знаковых единиц, главными свойствами которой являются связность и целостность.

Такую последовательность знаков признают коммуникативной единицей высшего уровня, поскольку она имеет смысловую завершенность как целостное литературное произведение, то есть завершенное информационное и структурное целое. К тому же, целое – это нечто иное,

чем сумма частей: целое всегда имеет функциональную структуру, а части целого выполняют определенную роль в этой структуре, то есть структуру можно рассматривать как систему взаимосвязанных элементов, соединенных особыми функциональными связями.

Одним из ключевых свойств текста можно считать его функционирование в той или иной среде. Учитывая это, можно предположить, что с помощью текста, его социализации возникает процесс коммуникации между определенными индивидами и социальными и общественными институтами. С этого взгляда не возникает никаких возражений относительно того, что объектом современной науки теории текста считают коммуникативную деятельность человека с помощью функциональных особенностей текста. Отсюда можно утверждать, что основой определения объекта теории текста является признание современной наукой коммуникативной сущности текста, которую, в свою очередь, толкуют достаточно широко.

Например, немецкий исследователь П. Хартман отмечает, что «все носители языка говорят только текстами, а не словами или предложениями» [96]. Французский исследователь, представитель концепции структурализма Р. Барт считает текст таким, который «чувствуется только в процессе работы, созидания. Текст по своей природе движим, то есть постоянно находится в динамике и должен двигаться сквозь что-то и отражать деятельность» [9]. Отсюда можно сделать следующий вывод: разные подходы сводят к мысли о тексте как о движущемся элементе, находящемся в развитии и характеризующемся действием. Следовательно, текст можно рассматривать как способ или средство или инструмент коммуникации. Учитывая теорию коммуникации с ее элементами и междисциплинарный подход к изучению сущности феномена текста, российский исследователь А. А. Чувакин выдвинул гипотезу о том, что в структуре современной филологии на правах ее междисциплинарного ядра существует филологическая теория

коммуникации. Ее задачей является изучение коммуникативной деятельности человека с помощью текста [99].

По сути, традиционная модель коммуникативного акта, в которую включаются коммуниканты (говорящий-слушатель), текст, процессы речи и восприятия, ситуация коммуникативного акта, практические и коммуникативные цели, является лингвистической по своей природе моделью коммуникации в любом секторе социальной или общественной жизни. Соответственно, изучение этой модели – ее состава, структуры, динамики – в разных сферах деятельности является задачей различных филологических наук (лингвистики, литературоведения, журналистики, теории рекламной коммуникации и т.п.), которые различаются наглядным материалом, а разработка общей теории представленной модели является задачей филологической теории коммуникации как сферы филологии.

Коммуникативная суть текста делает его открытым для всех участников акта коммуникативной деятельности, коммуникативной ситуации и среды существования текста в целом и служит основой всей совокупности его функций (социальной, системной, регулятивной, когнитивной, эмоциональной, представительской; способа хранения и передачи информации, отражения психической жизни индивида, результата определенной исторической эпохи, формы существования культуры, отражения определенных социокультурных традиций и т.д.). Поэтому признание коммуникативной сути текста вводит его в круг интересов всех гуманитарных наук.

Микросредой существования текста является акт коммуникативной деятельности человека с помощью текста. Традиционную модель коммуникативного акта будем трактовать как оконченную часть речевого взаимодействия, имеющую естественные границы. Если в перечисленных выше составляющих модели коммуникативного акта добавить еще один компонент - язык, а также выполнить некоторое терминологическое корректировки, то модель примет такой вид [Рисунок 1]:

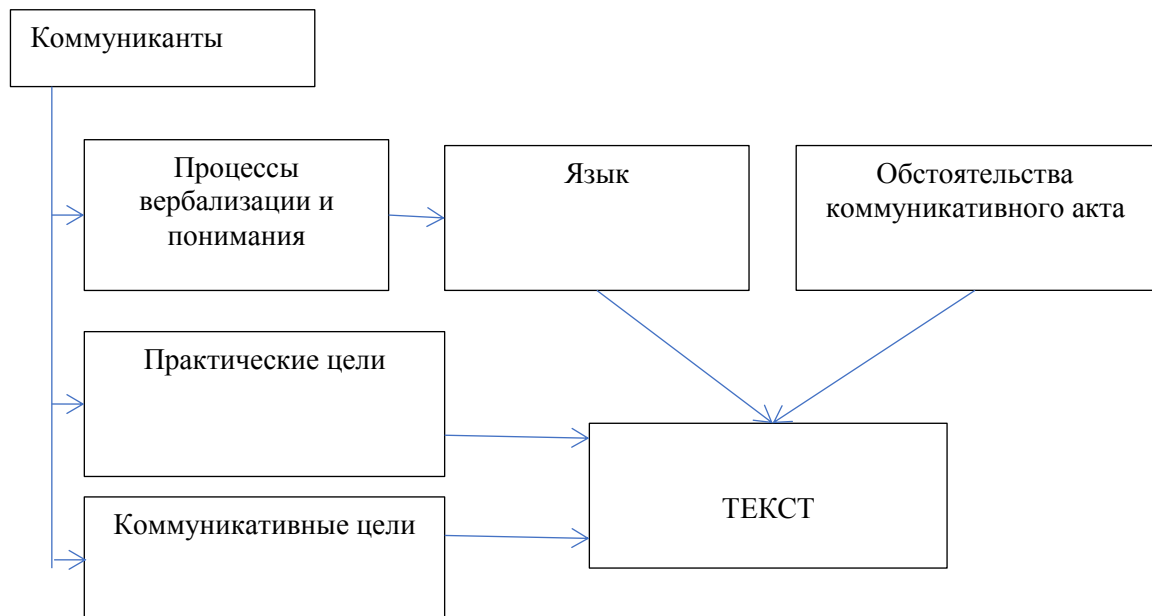

Рисунок 1. Модель коммуникативного акта.

Рассмотрим эту модель поподробнее.

Коммуниканты – текст. Ведущая роль в коммуникативной ситуации принадлежит коммуникантам. Коммуниканты (говорящий (пишущий) и слушатель (читающий)) - функции, которые выполняет Homo Loquens в акте коммуникативной деятельности: говорящий - то, кто творит; слушатель – тот, кто принимает текст. Поэтому Homo Loquens предстает в коммуникативном акте как дихотомия говорящий-слушатель. Ученые неоднократно отмечали необходимость изучать язык в процессе деятельности, учитывать явления, происходящие во время создания и восприятия текста, отличные роли адресанта и адресата. Однако ситуацию общения можно изучить и с точки зрения прагматики. Участников коммуникации можно рассматривать в соответствии с их статусными, ролями и личностными характеристиками.

Такой аспект изучения не оставляет без внимания и обстоятельства реализации текста – хронотоп, канал, режим, тональность, код, область применения и т.д. Совокупность всего обилия черт ситуации, в которой возникает текст, и служит средой его существования.

Фундаментальным признаком говорящего и слушателя есть активность в акте коммуникативной деятельности. Признак активности определяется субъектным характером коммуникативной деятельности, возникающей из субъективной природы человека. Иными словами, такая активность приобретает субъективность, зависящую от характера того или иного человека (индивида) и когнитивной или коммуникативной задачи, обусловленной такой деятельностью. С точки зрения исследователей, характер текста во многом зависит от характеристик коммуникантов, результатом деятельности которых и служит текст. Ведь субъективный характер деятельности говорящего и слушателя обусловлен рядом признаков [99].

Достаточно четко в исследовании А. Чувакина представлена иерархия следующих признаков коммуникантов [101]:

- 1)формально-демографические и этнографические;
- 2)социально-психологические;
- 3)культурно-антропологические;
- 4)философско-мировоззренческие;
- 5)когнитивные и коммуникативные;
- 6)лингвистические;
- 7)ситуативно-поведенческие.

Значимость для текста характеристик говорящего и слушателя традиционно описывают отдельно: в терминах коммуникативного лица, образа автора и читателя, образа ратора и аудитории и т.д. Они сочетаются в категории текстового лица *Homo Loquens* – центра, где сходятся все грани коммуникативности текста. Категорию текстового лица представляют в тексте в сочетании субкатегорий – текстового лица говорящего и текстового лица слушателя.

Процессы вербализации и понимания – текст – это психолингвистические процессы вербализации и восприятия текста, выражающиеся в движении от содержания или сущности к тексту в момент вербализации и от текста к смыслу при воспроизведении и восприятии. Процесс вербализации можно изобразить как определенное действие, растянутое во времени и пространстве в виде цепочки [Рисунок 2]:

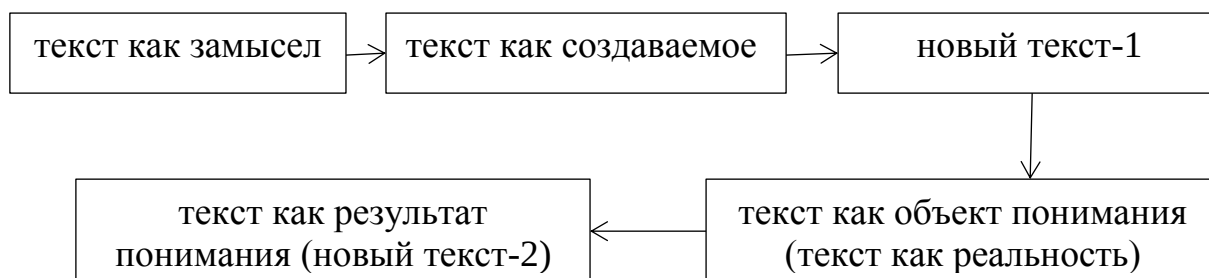

Рисунок 2. Процесс вербализации.

Этот процесс фиксирует этапы коммуникативных трансформаций (семиотические трансформации) [61]. Итак, в целом текст возникает в

результате процесса трансформации: новый текст-1 и новый текст-2 объединены трансформационными связями. Учитывая это, мы утверждаем, что текст существует в своих коммуникативных трансформациях как их совокупность и процесс передачи информации или реализации той или иной задачи. Учитывая предложенную модель трансформации текста, отметим, что ее можно расширить благодаря промежуточным этапам (именно благодаря трансформации).

Количественные показатели таких преобразований могут колебаться в широком диапазоне и зависеть не столько и не только от характеристик коммуниканцев, но и от среды, конкретных исторических обстоятельств, сферы коммуникативной деятельности. Учитывая это, можно предположить, что количество таких трансформаций в процессе вербализации-понимания может быть почти безграничным. Проиллюстрируем указанное выше фактом наличия в международно-правовых (договорных) документах заключительных положений и возможности постоянного усовершенствования текста (документа) и его доработки, а следовательно, появления нового текста (текст-2).

Итак, текст, осмысляемый в аспекте вербализации, можно описать с помощью категории коммуникативной трансформации: она раскрывает механизм создания и существования текста как такового.

Язык – текст. В нашем случае под языком понимаем семиотический объект. Это – и естественный язык, и пара-язык (иконические знаки, шрифтовые средства, средства звуковой фонации, кинесические и мимические и т.п.), и языки в нелингвистическом смысле (художественные моделирующие системы – язык музыки, скульптуры, архитектуры и т.п.), и дискурсивные коды (коды, связанные с «обслуживанием» различных «социальных сфер», в частности, сферы культуры, политики, науки, экономики и т.п.) – все знаковые системы, с которыми взаимодействует естественный язык в процессе деятельности говорящего и слушателя, направленного на вербализацию и понимание текста [21].

Рассматривая текст в соотношении язык-текст, определяем последний как сложный знак лингвистической природы, сложность которого задается определенными факторами, в том числе тем, что он «выткан» из знакового материала нескольких систем, каждая из которых оставляет свой «след» в тексте. Таким образом создается базовое условие той системы, что его интерпретирует [99].

Обстоятельства коммуникативного акта – текст. Под понятием обстоятельств коммуникативного акта понимают прежде всего так называемые внешние условия вербализации-понимания (место, время, обстоятельства и т.д.), что соединены актом совместной деятельности коммуникующих, в нашем случае Сторонами соглашения. Характеризуя параметр обстоятельств, мы подразумеваем коммуникативный акт как таковой. Однако коммуникативный акт во многих случаях выявляется «растянутым во времени и пространстве», то есть выступает формой процесса. Текст в аспекте обстоятельства коммуникативного акта – текст можно описать по двум категориям – ситуативности и эвокации. Если первая обеспечивает вывод текста в аспект прагматики, то вторая определяет отношения текста с внешним миром – миром действительности (реальным, вымышленным) и миром текстов.

Практические цели, коммуникативные цели – текст. Целевые компоненты в модели занимают ведущее место: они являются сквозными, связывающими и пронизывающими все остальные компоненты. Это во многом объясняют целенаправленность как атрибут человеческой деятельности, целевые характеристики речи. В практической цели она связана с типом социальной деятельности, в которую вплетена коммуникативная деятельность. Практическая цель является воплощением практического результата, к которому стремится достичь *Homo Loquens*. Коммуникативная цель – это намерение, установка, что реализуется в процессе создания текста.

Если практическая цель принадлежит человеку, то коммуникативная – тексту. Итак, рассмотрение текста в аспекте цели выводит текст на уровень исследования его прагматики (категория прагматической значимости текста) и выдвигает категорию коммуникативной направленности текста как реализацию фундаментальных целей коммуникации. Характеристика текста с точки зрения цели требует разграничения коммуникативной и риторической модели текста, поскольку в обоих случаях учтен целевой компонент.

Несмотря на это, можно согласиться, что в русле коммуникативного подхода к тексту его целесообразно определить как коммуникативно направленный и прагматично значимый сложный знак лингвистической природы, что представляет участников коммуникативного акта в текстовой лице *Homo Loquens*, которая имеет признаки эвокативности и ситуативности. Механизм существования текста базируется на возможностях его коммуникативных трансформаций [99].

Такое определение текста выглядит достаточно новаторским и не учитывает других, не менее важных признаков текста, предложенных рядом исследователей феномена текста, в частности, целостности, связности, членения, линейности, информативности и завершенности [23]. Это обусловлено тем, что во время рассмотрения текста его классические

признаки в основном выделяют из среды его существования как семантико-структурной единицы. Отметим, что иногда многие признаки «канонических», правда в другом виде, приписываются другим языковым объектам, прежде всего слову и предложению. Итак, по нашему мнению, с учетом признаков действенности (движения и трансформации) процесса текстообразования значительно расширяется трактовка самого текста как целостного явления, что имеет коммуникативную сущность и позволяет рассматривать текст с точки зрения социальной и общественной активности человека.

Как видим, в определенном объекте теории текста главный упор сделан на коммуникативную деятельность человека. Поскольку понятие коммуникации и коммуникативной деятельности значительно шире, чем понятие речевой деятельности, то речевая деятельность является частью коммуникативной деятельности, а, следовательно, ее составляющей. Оба по содержанию сходны, поскольку их характер определяется обменом информацией. Если же речевая деятельность осуществляется средствами речи, то коммуникативная наряду с использованием языковых средств использует и другие. По этому поводу один из известных лингвистов-исследователей текста Р. Якобсон отмечал: «Когда мы говорим, что язык или какая-либо другая система знаков является средством коммуникации, мы не должны забывать, что при исследовании коммуникации нельзя накладывать ограничения на коммуникативные средства или ее участников»[104]. Обращение, в нашем случае, к понятию коммуникативной деятельности имеет несколько аспектов, что позволяет рассматривать текст как сочетание процесса и результата, находящегося в русле тенденций современной науки. Следовательно, текст относится к наиболее очевидным реальностям языка, а способы его интуитивного выделения укоренены в сознании современного человека.

Необходимо определить, что же положено в основу категории текста и какой концепт образует его ядро, или если использовать терминологию

лингвиста А. В. Бондарко, его инвариантное начало. Принято считать, что такой основой является понимание текста как информационно-самодостаточного речевого сообщения с четко определенными целями, ориентированными на своего адресата. Текст отличается информационной самодостаточностью (т.е. рождает восприятие его содержательности, смысловой завершенности и прагматичной целостности) и адресатностью (ориентация на определенный круг людей) [16].

Это дает основание признать, что текст всегда необходимо рассматривать как результат речевой деятельности его создателя, что воплощает особый замысел в его направленности на определенного слушателя / читателя. При этом речевая деятельность задает интенциональность тексту: его всегда создают для реализации определенного замысла, а мышление способствует его информативности: информация вводится в текст и фиксируется в нем не сама по себе, а для достижения определенных целей. С точки зрения адресанта она всегда существенна, релевантна, призвана изменить поведение того, кто ее воспринимает, и рассчитана на определенный эффект и действие на адресата [51].

Главная цель создания любого текста состоит в сообщении, то есть донесении информации адресату. Любой текст включает в себя информацию. Общее количество информации в тексте называют его информационной насыщенностью. Однако наиболее ценна прежде всего новая информация, полезная, то есть прагматичная. Конкретно она служит показателем информативности сообщения. Информационная насыщенность текста – абсолютный показатель качества текста, а информативность – относительная, поскольку степень информативности сообщения зависит от потенциального читателя.

«Информативность текста – это степень смыслового выражения читателя, которая содержится в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли» [5].

Поскольку текст состоит из высказываний, то во время определения его содержательности важным оказывается выяснение соотношения между высказыванием и ситуацией, выраженной в нем. Известно, что между ними полного соответствия нет, то есть поверхностная структура выражения (количество речевых знаков) и глубинная структура (количество информации) не совпадают. Это объясняют асимметричностью речевого знака. Семантическую экономию наблюдают тогда, когда в поверхностной структуре высказываний нет прямого указания на какой-либо элемент глубинной структуры. Кроме того, семантическую избыточность видят в тех случаях, когда в поверхностной структуре имеется несколько элементов, представляющих один и тот же элемент глубинной структуры. Следовательно, при семантической экономии элементы смысла могут быть представлены имплицитно. Высокое качество высказываний на уровне текста создает условия для повышения его информационной насыщенности при минимальном расходе языковых средств. Так возникает языковая экономия («пропуск элемента в поверхностной структуре высказывания, несмотря на его присутствие в глубинной структуре») [30].

При семантической избыточности ситуация может быть прямо противоположной (знаков больше, чем передаваемого смысла). В некоторых случаях это недостаток текста, который желательно устранить, а иногда – это необходимость, продиктованная стилистическими задачами и реализуемая автором. В частности, избыточность в плане семантики становится необходимостью в плане стилистики (например, стилистически значимое повторение элементов международного договора и т.п.). В связи с возможностью по-разному представлять информацию в тексте – экономно или чрезмерно – существенной оказывается проблема авторского намерения и читательского восприятия сообщения, то есть кодирования и

декодирования текста. Причем декодирование, ввиду ряда обстоятельств, может оказаться полным или частичным. Соответственно, «глубина прочтения» текста может быть разной.

Принимая во внимание необходимость четкой информативной передачи материала, связанного (в нашем случае) с регламентацией деятельности международных организаций, очевидно, что при построении текста с учетом его информационно-прагматических установок необходимо учитывать эти качества языковых единиц. Словесно чрезмерные фразы – это грамматически и логически развернутые структуры, претендующие на предельную точность передаваемого смысла. Такие фразы встречаются в основном в текстах официальных документов, научных публикаций, учебных пособий. Свернутые структуры в большей степени присущи текстам художественной литературы.

Следовательно, информационную насыщенность текста можно рассматривать не только с точки зрения полезности информации для того или иного лица, но и с точки зрения построения составных текстовых языковых единиц.

Каждый текст как целостное языковое произведение можно охарактеризовать с точки зрения комплекса критериев. Принято считать, что основными группами этих критериев есть информационно-структурные и тональные (стилистические) категории текста [23].

Среди информационно-структурных категорий текста выделяют:

- 1) логичность;
- 2) связность и целостность;
- 3) четкость, понятность, доступность.

Идеальный текст характеризуется соответствием его структуры и тональности выраженной информации темы, задачам и условиям общения, выбранному стилю изложения, если это текст художественный, или стилю, обусловленному жанром и назначением текста, если это текст нехудожественный. Указанные выше характеристики предполагают

соблюдение определенных принципов текстового построения. Эти принципы положены в основу критериев оценки качества текста [66].

Рассмотрим категории текста подробнее.

При использовании критерия логичности учитывают взаимодействие "трех логик": логики действительности, логики мысли и логики речевого выражения. Логичность текста проявляется в таких качествах, как последовательность изложения материала, непротиворечивость мысли, четкость и достаточность аргументации, соотношение общего и конкретного. Логичность мысли и, соответственно, речевого выражения, проявляется и в достоверности отражения фактов действительности и их связей (общее и единичное, причина и следствие, сходство и различие, содержание и форма). Достаточно целостная логичность мысли проявляется в научных, учебных, официально-деловых и аналитических газетно-публицистических текстах. С точки зрения логичности построения, тексты делят на две группы: тексты с наглядно-логической структурой (объективная логика, логика факта) и тексты с образно-ассоциативной структурой (субъективная логика, художественная; логика не факта, а видение факта, его восприятие) [25].

Связность и цельность – неперенные качества, проявляющиеся в правильно построенном тексте. Связность текста оказывается в рамках межфразовой единства, когда четко фиксируют структурные показатели связи - эксплицитные и имплицитные, контактные и дистантные [23]. Целостность текста определяется как глобальная связь компонентов текста на содержательном уровне, поддерживается ключевыми словами и их синонимами. Целостность текста – это качество, которое раскрывается через понятийную последовательность в изложении. Ключевые слова – это понятийные узлы текста; вместе со словами повторной номинации они образуют систему, определяющую все содержание и понятийное восприятие текста. Ключевые слова семантически значимые, они сами по себе уже несут определенный смысл.

Критерий четкости, понятности и доступности полностью ориентирован на адресата. Отметим, что этот критерий очень важен для официально-делового стиля, при котором передача информации в документе должна быть не только четкой и доступной, но и, что не менее важно, понятной. Понятность текста – возможность определить смысл, доступность – возможность преодолеть «помехи», возникающие при передаче информации. Эти критерии напрямую связаны с эффективностью восприятия текста. Ведь адресат владеет «логикой вещей» и «логикой языкового построения», ему известны законы сочетания языковых единиц. Если же этот процесс опережения нарушается, то дальнейшее восприятие усложнится.

Речевая структура текста теряет четкость.

Восприятие может быть затруднено по ряду причин, например вследствие сложности самого мнения для определенного адресата, неожиданности мысли; запутанности изложения мнения или употребления неизвестных слов и т.д.

Нечеткость выражения может быть произвольной и намеренной. Это следует учитывать прежде всего при анализе текстов международно-правового характера, к которым относятся и официально-деловые документы международных организаций, поскольку именно в них это явление должно быть преодолено.

Научный, деловой, обучающий текст должен быть предельно четким по содержанию. Низкая доходчивость и понятность текста могут возникнуть при перенасыщении текста (например, научно-популярного) узкоспециальной терминологией и из-за осложненности синтаксиса. В обучающем тексте невнятность провоцирует отсутствие дефиниций в терминах. Во всех этих случаях критерий выразительности и доступности требует однозначного употребления понятийных номинаций и определений, когда предполагается, что адресату они неизвестны.

Даже общая графическая форма текста, его разделение на абзацы, разделы и главы может либо поднять, либо снизить уровень доходчивости.

Например, текст официально-делового, инструктивного или международно-правового документа, не разбитый на абзацы или главы, становится очень сложным и невнятным, если предложения в нем чрезмерно велики. В частности, усложнение восприятия текста возникает при длинных перечнях правил, рекомендаций, инструкций, норм и т.д. В таких случаях сложные по объему синтаксические строения необходимо расчленять.

Перечислим тональные (стилистические) или литературные категории текста:

1) правильность речи – непереносимое, элементарное качество любого текста (умение правильно выразиться);

2) чистота языка – требование, необходимое для таких видов текста, как официальный, специальный, обучающий; в других случаях строго нормированная речь производит впечатление языка чрезвычайно обесцвеченного, нивелированного, в определенном смысле искусственного, так что художественный текст не может полностью подчиняться такому пониманию критерия чистоты языка;

3) культура языка – высший уровень освоения литературного языка и способ овладения им; культура языка содержит оценки не только правильно – неправильно, но и лучше – хуже, уместнее, отчетливее, точнее и т.п.

Итак, как уже отмечено, теория текста имеет под собой лингвистическую базу – хотя бы по причине особой значимости языка как универсального средства коммуникации. Именно естественный язык является первичной семиотической системой, привлекает к коммуникации паразык, вторичные семиотические системы, а также обеспечивает психологический, социальный, художественный и другие виды коммуникации – как средство, что интегрирует коммуникативное пространство человека и социума. Такие категории, как четкость, целостность и, прежде всего, информативность текста являются выражением действия текста и его места в системе коммуникативной деятельности,

широко представленной в процессе создания международно-правовых норм, конституирующихся в международно-правовых актах.

Отдельно взятые предложения нельзя считать текстами и даже, как отмечает отечественный лингвист Т.М. Николаева, вопрос их принадлежности к категории текстов остается открытым, а к его критериям прилагается протяженность [75]. Ведь, как уже отмечено выше, понятие связности, что считают главным признаком текста, указывает на то, что в нем что-то должно связываться, сплетаться и формировать ткань повествования. Если согласиться с тем, что для каждой природной категории, как утверждают когнитологи, существует «лучший образец класса», или прототип, уместно и в этой категории задаться вопросом: какие же тексты можно считать прототипными и какие критерии характеризуют эти тексты? В то же время подчеркнем: вопреки распространенному мнению о прототипном принципе построения всех категорий текста, подвижности и размытости, само понятие прототипа вводит представление об определенных диапазонах варьирования вокруг прототипа как фокуса категории, то есть об определенных границах для допустимого варьирования. Иными словами, прототип категории можно считать таким ярким представителем своей категории (образец, эталон), наиболее полно фокусирующей в себе ее признаки, концентрирующей наибольшее число общих для категории черт и наиболее очевидно характеризует то, как представлена сама категория в сознании человека, с какой структурой знания и опыта она ассоциируется.

Несомненно, что важным аспектом любого текста является отражение реальности. Другими словами, текст создается и действует в рамках определенного пространства и времени и определяется дискурсом. Под текстом мы понимаем осмысленную последовательность знаков и элементов речевой деятельности человека, обладающих функциональными особенностями и выполняющими роль коммуникации, информативности и передачи информации для определенного адресата. Поскольку текст несет

определенное содержание, то он прежде всего является коммуникативной единицей.

Так что текст представляется как единица коммуникативная. В то же время, текст рассматривают не только как результат коммуникативной деятельности человека, но и как его неотъемлемую часть. При этом важно понимание роли текста с точки зрения дискурсных особенностей [56].

Текст служит точкой сопряжения разнонаправленных, но конгруэнтных по собственной природе действий, совершаемых коммуникантами. Представление о дискурсе как процессе позволяет анализировать текст как явление статическое. Такое понимание текста не традиционно для языкознания, хотя С. Я. Тураева отмечает, что «как определенная объективная реальность, текст существует в определенных параметрах вне сознания субъекта. В этом смысле он является закрытой системой, для которой характерно состояние покоя» [92].

Итак, можно констатировать, что текст, как феномен, является довольно интересным и сложным явлением. И это обусловлено не столько наличием многих научных подходов к определению понятия текста и даже не широким спектром критериев для его определения. Поскольку текст служит инструментом социальной и общественно-политической деятельности личности, его необходимо рассматривать как живую субстанцию, которая находится в постоянном развитии. А определяя феномен текста, следует учитывать широкий спектр критериев и признаков трактовки текста заверщенного международно-правового документа в контексте анализа объекта и предмета исследования. В этом случае текст служит, с одной стороны, продуктом коммуникативной деятельности (переговоров) между разными государствами, а с другой – своеобразной декларацией (ввиду информативного характера) цели деятельности политических механизмов международного сотрудничества.

2.2. Концептуализация и категоризация понятия дискурса

Истоки теории дискурса следует искать в исследованиях языковых средств (немецкая школа П. Хартмана), в социолингвистическом анализе коммуникации (американская школа Е. Щеглова, Р. Закса), в моделировании зарождения языка, в описании этнографии коммуникации и в антропологических исследованиях (А. Греймас). Такой довольно широкий спектр научных подходов к изучению дискурса свидетельствует о его многогранности и контексте представления самого понятия. Однако и сегодня определение дискурса является довольно спорным, и этот феномен как категорию коммуникации ученые понимают по-разному. Изучению дискурсу посвящено значительное количество исследований, авторы которых трактуют это явление в разных научных парадигмах, так что в лингвистических теориях понятие дискурс до конца XX века стало шире, чем понятие язык.

Впервые в научную теорию лингвистики текста понятия дискурс ввел в 1952 г. американский ученый С. Харрис в статье *Discourse analysis* как лингвистический термин в словосочетании дискурс-анализ. Автор посвятил статью методу дистрибуции относительно сверхфразового единства [114].

В 50-е годы XX века известный французский исследователь Э. Бенвенист, разрабатывая теорию высказывания, последовательно применил традиционный для французской лингвистики термин *discourse* в новом смысле – характеристика «языка, принадлежащего говорящему» [12]. А в 70-х годах к определению сущности дискурса он подходил с позиций антропоцентризма. Суть такого подхода заключалась в рассмотрении дискурса как «функционирование языка в живом общении». Итак, язык рассматривали не как характеристику личности говорящего, а как функциональную структуру, которая находится в постоянном развитии. В этом контексте следует упомянуть представленный выше тезис о «движении текста» как проявление языка, что находится в развитии (или в движении) [9].

Одним из первых Э. Бенвенист придал слову «дискурс» терминологическое значение: «язык, на котором говорит говорящий», тем самым расширяя известное во французской лингвистической традиции понимание дискурса как «языка в общении», или как текст [12].

Эти два авторитетных ученых заложили традицию тождественного обозначения различных объектов исследования: Э. Бенвенист понимал под дискурсом экспликацию позиции говорящего. В трактовке З. Харриса объект анализа – это последовательность высказываний, отрезок текста, больший по объему, чем просто предложение. Во французской лингвистике, согласно теории Э. Бенвениста, дискурс является эмпирическим объектом, побуждающим к размышлению о связи между языком, идеологией и человеком [12].

Известный представитель французской школы М. Фуко в 60-е годы XX век, развивая идеи Э. Бенвениста, предложил свое видение целей и задач дискурсивного анализа. По мнению М. Фуко и его последователей, приоритетным является определение позиции говорящего, однако не в отношении высказывания, а в отношении других взаимозаменяемых субъектов высказывания и их идеологии [18]. Итак, для французской школы дискурс – прежде всего определенный тип речевой деятельности, свойственный определенной социально-политической группе или эпохе.

Концепция Фуко, которая объединила лингвистику с историческим материализмом, несмотря на очевидную близость методологии, не нашла отклика в науке о языке. Впрочем, и «харрисовское» понимание дискурса не стало популярным, хотя полностью согласовывалось с тем, что пропагандировал в те годы в языкознании структурно-семантический подход. Именно во 2-й половине XX века возникло и утвердилось такое направление, как лингвистика текста. Определяя лингвистические закономерности организации текста, языковеды И. Г. Гальперин и С. Я. Тураева пришли к выводу о недостаточности применяемого метода, о нечеткости и неоднозначности используемого терминологического аппарата

(проблемы разграничения предложения и выражения, текста и его единиц и т.д.) [92]. Кроме того, традиционный структурно-семантический подход не обладал достаточной аргументированностью по отношению к таким ведущим характеристикам текста, как его целостность и связность. Невозможность чисто лингвистического объяснения этих текстовых категорий вызывает рефлексию в отношении смежных областей знаний: формулируется гипотеза о роли замысла создателя образа автора[39]. Очевидно, что подобное видение согласуется с представлением Бенвениста о дискурсе как «языке, принадлежащем говорящему», однако и эта дефиниция долгое время оставалась без должного внимания [12].

Термин «дискурс» не использовали систематически ни в одном из трех своих центральных значений вплоть до конца 80-х годов XX века.

Постсоветская традиция актуализировала термин во всей его многозначности, что поставило современных исследователей перед необходимостью уточнения и разграничения значений.

В лингвистическом энциклопедическом словаре Н. Д. Арутюнова определяет дискурс следующим образом: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это язык, «погруженный в жизнь»[3]. Так что термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяются к древним и другим текстам, связи которых с реальностью не восстанавливаются напрямую. Очевидно, такое определение не отрицается, а вероятнее всего, взаимодополняется: представление о процессах творения и понимания текста невозможно без опоры на коммуникативную ситуацию («погружение в жизнь»).

Представление о дискурсе как процессе находим и во взглядах французских исследователей по поводу ведущей роли субъекта высказывания. Такое представление лежит в русле динамичного подхода к языку. Большую объяснительную силу, на наш взгляд, имеет трактовка

текста как промежуточной стадии дискурса, если под дискурсом понимать совокупность смысловых действий коммуникантов. В то же время текст как объективно существующий факт действительности можно рассматривать как результат дискурса.

Утверждать текст как результат дискурса позволяет адаптация в лингвистике базового для наук об интеллекте постулата относительно квантового характера мышления. Выделение У. Чейфом в информационном потоке единиц (клауз), смежных с квантами мышления, подталкивает к представлению о дискретно-волновой природе дискурса. Так что можно предположить, что дискретность – априорное свойство любого дискурса, а деление информационного потока на клаузы происходит независимо от намерений говорящего и коммуникативной ситуации в целом. Непроизвольная и спонтанная дискретность обуславливает доминантную стратегию говорящего, связность порождаемого текста: «С точки зрения речевой структуры образование адекватной речевой формы может мыслиться как процесс порождения высказываний из структурно-релевантных единиц и их сочетания в более сложные блоки, с помощью которых лицо способно закрепить и выразить свои мысли»[48].

Необходимость трансформации определяется несовместимостью дискретной структуры концепта и поверхностных форм текста; она связана с изменением конфигурации ментального представления в линейную структуру. Трансформация дискретного представления в представление связанное – необходимое условие успешности коммуникации: несвязный текст не может быть адекватно декодирован адресатом. Эта трансформация происходит благодаря установлению глобальной и локальной связности дискурса.

Глобальную связность, понимаемую как единство темы дискурса, автор устанавливает на начальной стадии разработки дискурса: происходит установление релевантных связей между структурами знаний – представляется связанная модель ситуации. Установление локальной связности

происходит в стадии формирования текста и требует выявления связей между предложениями и поверхностными структурами – установление связей когезии. Авторские намерения на этой стадии предполагают выбор адекватной поверхностной структуры для экспликации релевантных по отношению к продуценту связей между клаузами.

Учитывая тот факт, что распределение информации в клаузах при построении дискурса остается неизменным (одна идея на одну предикацию), выбор говорящим поверхностной структуры зависит от таких переменных, как контекст ситуации и лингвистический контекст.

В этом случае текст может приобретать структурную схему простого, сложного и бессоюзного сочетания предложений, функционируя в виде сверхфразового единства. Считаем, что подход к тексту как продукту дискурса устраняет противопоставление этих синтаксических единиц.

Во-первых, принципиальная разница между сверхфразовым единством и другими вариантами сочетания простых предложений очевидна только в письменной форме выражения речи. Во-вторых, граница между союзными и бессоюзными конструкциями очевидна только при отличиях в средствах связи. Отметим, что исследователи в области синтаксиса текста в большинстве своем склонны выделять комплекс так называемых дополнительных средств связи, специализирующихся на объединении в недискретную структуру частей сложного союзного предложения, бессоюзного сочетания предложений и самостоятельных предложений в составе единого синтаксического целого.

Представление о тексте, как статически связанного и цельного на промежуточной стадии дискурса, дает возможность определить его как последовательность языковых знаков, которая находится между двумя этапами в коммуникации. Такой подход приближает текст к живому языку, игнорируя одновременно принципиальную разницу между письменным и устным модусами. Динамический подход позволяет поднять значимый для лингвистики текста вопрос об элементах исследования: текст является

продуктом определенного дискурса, пока автор не инициирует «остановку» коммуникации [120].

Резонным, по нашему мнению, является утверждение исследователя Ли Же, что «теория французской школы дискурс-анализа обусловлена тремя основными факторами: дискурсом, событием, анализом. Содержание дискурса – это, прежде всего, анализ события, то есть событие как информация без анализа не может стать дискурсом. Эти три фактора создают одну систему – социальную коммуникацию» [60].

Такая социокультурная трактовка дискурса французской школы нашла свое продолжение и дальнейшее развитие в европейских научных школах.

В европейской лингвистике наблюдаем три главных подхода к изучению проблемы дискурса:

- первый подход, основанный на формальной или структурной лингвистике, рассматривает дискурс как «язык высший по уровню предложения или словосочетания» - « Language above the sentence or above the clause» [42];

- второй подход рассматривает дискурс как взаимосвязь функций дискурса с функциями речи в широком социокультурном смысле;

- в третьем подходе главное внимание сконцентрировано на взаимодействии формы и функции, то есть дискурс рассмотрен на уровне высказывания[34, 30].

Поэтому мы можем предположить, что трактование текста как категории коммуникативной деятельности социокультурного сообщества, связанного с определенной ситуацией, дает основание рассматривать дискурс как категорию, неразрывно связанную с текстом.

Дискурс следует рассматривать как признак коммуникативной и познавательной деятельности человека. Учитывая это, категория дискурса кажется довольно размытой, ее можно исследовать на лингвистических макро- и микроуровнях. В этом контексте следует обратиться к труду известного нидерландского лингвиста Т. ван Дейка «Язык. Познавание.

Коммуникация», в котором он справедливо замечает, что дискурс является «размытой категорией» [34, 38]. Эту «размытость» объясняют двумя причинами: историей формирования, когда в семантической памяти лексемы утверждаются признаки прежних подходов и употреблений, а также полной неопределенностью места дискурса в системе категорий и модусов существования языка.

Анализ подходов Т. ван Дейка дает основания утверждать, что он пытается соединить разные понимания дискурса по трем главным критериям, таким как средство макроструктуры, коммуникативное событие и связная последовательность предложений. По мнению автора, дискурс – это «существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили на уровне макроструктур». Таким образом Т. ван Дейк определил макроструктуру как «Семантическое содержание категорий, входящих в суперструктурные схемы». Макроструктуры являются структурами собственно дискурса, часто единственными в своем роде, и только понятия выводятся за помощью знаний о мире.

Следовательно, наличие познавательной сущности присуще как тексту, так и дискурсу. Это свидетельствует о взаимосвязи дискурса с различными проявлениями процесса создания текста как письменного выражения речевой деятельности, а следовательно, закрепления результата коммуникации на письме. Пожалуй, именно «движение текста», его коммуникативная значимость, дает основание говорить о ценности модели дискурса, предложенной Т. ван Дейком, что состоит в выявлении «коммуникативного события» как сложного единства языковой формы, значения и действия [9].

Похожий взгляд на данную проблему мы видим в трудах П. Б. Паршина. Он, в частности, считает, что сочетаемость слова «дискурс» позволяет определить природу этого феномена. Автор определяет дискурс как характеристику коммуникативного своеобразия агента социального (политического) действия [77].

Рассматривая дискурс как парадокс социокультурной активности, нужно выделить его ценностные признаки. Скажем, профессор В. И. Карасик в своем труде отмечает, что «важнейшей характеристикой дискурса как феномена культуры являются его ценностные признаки. Если понимать функцию объекта как его место в системе высшего объекта, то функциональной характеристикой языка является его место в культуре» [73]. Аналогично социокультурному контексту дискурса можно говорить и об общественно-политической сфере коммуникативной деятельности, а, следовательно, и о международной коммуникации. В этом контексте очевидно существование политического дискурса как феномена политической коммуникативной деятельности, связанной с дипломатическими мероприятиями, переговорами или международно-правовыми документами, объекта нашего исследования, как своеобразного проявления коммуникативной деятельности дискурса и текста.

Представитель когнитивной школы Г.Г. Слышкин понимает дискурс как объект исследования культуры: «Как и любой артефакт культуры, любая единица языка может служить основой для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта. Это касается и дискурса... Дискурс будет объектом, а концепт – инструментом анализа» [84].

Подобное мнение высказано в трудах Е.С. Кубряковой: «Под дискурсом следует понимать именно когнитивный процесс, связанный с реальной речевой деятельностью, созданием речевого произведения, текст – конечный результат процесса речевой деятельности, трансформирующийся в завершенную (и зафиксированную) форму» [52].

Следовательно, можно сделать такой вывод: при всем многообразии определений термина дискурс в современных лингвистических исследованиях важен тот факт, что ученые в основном акцентируют внимание на ситуации общения как необходимом условии появления вербального или/и невербального текста.

В современной отечественной лингвистике поддерживают и активно разрабатывают коммуникативный подход к изучению дискурса. Так, предельной составляющей дискурса является выражение как носитель определенного визуализированного, институционализированного смысла, то есть значение. С зарождением коммуникативного подхода к языку (коммуникативной лингвистики) появляется возможность исследования других сущностных характеристик говорящего: когнитивных, психологических, духовных, эстетических и т.п. – и их влияние на процессы общения. Эти характеристики как основные черты дискурса воспринимаются как коммуникативная ситуация; при этом контекстуальность, процессуальность, ситуативность, замкнутость являются важными институциональными признаками дискурса любого типа [80].

В современной лингвистике выделяют два главных понятия «дискурс»:

- 1) дискурс как текст, что актуализируется в определенных условиях;
- 2) дискурс как дискурсивная практика.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что коммуникативное событие является необходимым условием появления дискурса. Бесспорным является тот факт, что дискурс утверждает свое место в системе категорий коммуникации прежде за все через понятие «текст» (хотя таким текстом в чистом виде не является), также через понятие «язык», а именно созданием определенного коммуникативного пространства, где и происходит коммуникативное событие, что порождает текст».

Следовательно, в результате анализа разных подходов к пониманию и изучению понятия дискурс можно утверждать о многокомпонентности этого явления. В то же время, отметим, что дискурс является признаком коммуникативной деятельности и неотъемлемой составляющей процесса создания текста. Это приводит к необходимости дальнейшей разработки проблематики дискурса с учетом особенностей коммуникации в различных сферах человеческой деятельности, а, следовательно, необходимость анализа соотношения дискурса и текста.

2.3. Проблема соотношения и взаимозависимости «текст-дискурс»

Некоторые ученые предлагают трактовать дискурс как «текст + ситуация», тогда как текст, соответственно, определяли как «дискурс – ситуация» [34, 38].

На наш взгляд, можно согласиться с формулой: дискурс = текст + ситуация, однако вторая формула «текст = дискурс – ситуация» не совсем удачная, поскольку дискурс часто является ситуацией, в которой творится текст. С учетом этого, правильным представляется замечание относительно нелогичности второй формулы. Любой дискурс (независимо от типа) – это текст, но не любой текст является дискурсом. Интересное наблюдение: дискурс относится к категории текста; с другой стороны, если понимаем дискурс и текст как речевую деятельность (речевую коммуникацию), то, конечно, понятие дискурс шире, чем текст.

Лингвисты отмечают, что дискурс возникает и проявляется в тексте и через текст. В то же время это отношение не однозначно: «Любой текст может быть выражением или реализацией нескольких дискурсов, иногда конкурирующих. Каждый конкретный текст обычно имеет черты нескольких разновидностей дискурса» [102]. Итак, в любом случае, мы не можем утверждать, что дискурс – это не текст. Определяя сущность дискурса, исследователь Ли Же считает, что главный вопрос – «при каких коммуникативных условиях текст оказывается в дискурсе и отсюда – какой текст является дискурсом?» [102]. Этот вопрос вызывает сегодня резвые споры и дискуссии. Представители разных научных школ подходят к исследованию такого явления с разных позиций.

В то же время к этому прилагается вопрос различных видов дискурса.

Известная австрийская исследовательница Р. Водак в монографии «Язык. Дискурс. Политика» подробно описала соотношение трех категорий: дискурс, текст, контекст. По ее мнению, «дискурсы (любого вида и формы)

могут быть обнаружены, описаны и понятны только в контексте. Таким образом, дискурсивный анализ, если его рассматривать с позиции социолингвистической традиции, оказывается непременно связан с экстралингвистическими переменными, а также с вопросами возникновения и понимания текста» [27].

Рассмотрим наиболее распространенные дихотомии, предложенные лингвистами, для разграничения дискурса и текста.

Категория дискурса относится к лингво-социальной сфере, в то время как текст – к лингвистической [117]. Текст определяется как вербальное представление («словесная запись») коммуникативного события, а дискурс – как «текст в событийном аспекте», «язык, погруженный в жизнь», «функционирование речи в живом общении», «язык, принадлежащий говорящему» [12]. К примеру, английский лингвист Г. Кук в монографии, посвященной рекламному дискурсу, рассматривает дискурс как единство и взаимодействие текста и контекста, понимая под текстом «языковые формы, временно и искусственно изолированные от контекста» [109]. Контекст в широком смысле насчитывает лингвистические, экстралингвистические и прагматические параметры. Это, в частности, физический носитель текста, музыка и графика (видеоряд), параязык (мимика, жесты, параграфемика), ситуация (свойства и взаимоотношения людей и окружающих предметов в восприятии участников общения), сотекст (предыдущий и последующий текст как элементы того же дискурса)), интертекст (текст, принадлежащий другому дискурсу, однако связанный с данным текстом и влияющий на его восприятие), участники общения (отправитель, адресант, получатель, адресат), функция (иллокутивное намерение и перлокутивный эффект).

Такой подход выражаем формулой: «дискурс = текст + контекст (лингвистический и экстралингвистический)» [11].

Часто дискурс представляют как процесс деятельности, связанный с реальными процессами речи, а текст – как результат речевой деятельности, имеющей определенную завершенную и зафиксированную форму. Текст и

дискурс связаны с выражениями реализации: дискурс находит свое выражение в тексте, «дискурс возникает и проявляется в тексте и через текст. В то же время это отношение не однозначно: любой текст может быть выражением или реализацией нескольких дискурсов. Каждый конкретный текст, как правило, имеет черты нескольких разновидностей дискурса» [12]. Такое утверждение обусловлено разнообразием коммуникативной деятельности как связанных элементов места (ситуации), цели коммуникативной деятельности, а в конечном счете и контекста ситуации. Отсюда следует предположить, что текст-дискурс является взаимодополняющими категориями.

С другой стороны, дискурс и текст противопоставляются в оппозиции актуальность – виртуальность. Дискурс рассматривают как реальное речевое событие, как текущую речевую деятельность в определенной сфере, это «созданный в языке связной текст» [49]. Текст лишен жесткой прикрепленности к реальному времени, он является абстрактным конструктом, реализуемым в дискурсе [111].

Иногда дискурс ассоциируется с озвученным, устным языком, а текст – с письменной формой [92]. Удачным преодолением ограниченности такого подхода является концепция В. В. Богданова, согласно с которой термины «речь» и «текст» являются видовыми от родового термина «дискурс». Вещание связано с озвученной субстанцией, спонтанное, ненормативное, диалогическое, тогда как текст подготовлен, нормативный, развернутый, монологический или диалогический, отличается от речи графической репрезентацией речевого материала. Дискурс в таком понимании объединяет все параметры, присущие и речи, и тексту, что полностью вписывается в концепцию дискурса.

Довольно удачной в смысле определения значимости взаимосвязи «текст- дискурс» является определение, предложенное С. И. Виноградовым: «Завершенное коммуникативное событие, что состоит во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других

знаковых комплексов в определенной ситуации и в определенных социокультурных условиях общения» [26].

Этот подход можно обобщенно описать с помощью обобщенной авторской формулы, которая не противоречит общепринятому пониманию [Рисунок 3]:

Рисунок 3. Текст в ситуации общения.

Такие исследователи, как А. Г. Баранов, К. О. Попова, К. Ковшикова, противопоставляют дискурс тексту по признакам динамики и статики [78, 44]. К примеру, А. Г. Баранов выделяет три уровня идеализации текста: актуальный текст, виртуальный текст и текстотип [7]. Актуальный текст (текст в контексте коммуникации) рассматривают во многих исследованиях как дискурс, а виртуальный текст – как текст, творящийся в изоляции от контекста коммуникации, что трактуется как собственно текст. Текстотип, по А. Г. Баранову, – это набор правил создания и трактовки текстов. В то же время исследователь М. М. Бахтин добавляет, что текстотип соотносится с концептом текста в языковом сознании [11]. Текст, соответственно, трактуют как статическое завершенное произведение, оторванное от контекста того или иного события, которые рассматривают как дискурс – языковое событие, динамическое, завершенное и обусловленное определенным социальным, политическим контекстом.

По аналогии с дихотомией Ф. де Соссюра о существовании языка и речи (виртуальной и реальной), предлагает понимание дискурса как системы

коммуникации, которая имеет реальный и потенциальный (виртуальный) измерение. В реальном измерении – это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, это речевая деятельность в определенном социальном пространстве, связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности языковые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. В потенциальное измерение дискурса включаются также представления о типовых моделях речевого поведения и наборе речевых действий и жанров, специфичных для этого типа коммуникации [86].

Язык как абстрактная знаковая система реально существует в виде дискурса, то есть дискурсов. Коммуникация постоянно происходит в определенной сфере человеческой деятельности, в некоем социальном либо общественно-политическом пространстве. Именно поэтому в научной литературе обычно мы сталкиваемся с анализом не дискурса в целом, а конкретного дискурса – термину «дискурс» присуще сочетание с агентивным или генетивным определением: публичный дискурс, политический дискурс, дискурс власти, дискурс оппозиции, дискурс террора, дискурс перестройки, дискурс национальной безопасности, патриотический дискурс, дискурс ответственности, предвыборный дискурс, феминистский дискурс, дискурс рынка, дискурс потребительской культуры и т.д.

В предлагаемой концепции институциональный дискурс оказывается предельно широким понятием, охватывающим как языковую систему (часть специфически ориентированную на определенную сферу коммуникации), так и речевую деятельность (в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов) и текст. Следовательно, указанное выше можно подать как обобщенную формулу: **дискурс = «подсловие» + текст + контекст.**

Компонент «текст» в этой модели конкретизирован как «созданный текст + ранее созданные тексты». Компонент "контекст" насчитывает такие разновидности, как "ситуативный контекст" и "культурный контекст" [102].

Другими словами, дискурс – это текст и коммуникативно значимые обстоятельства, в которых этот текст творится, то есть актуализируется. Дискурс, в таком случае, рассматривают как последовательность коммуникативных речевых или письменных актов, как коммуникативное взаимодействие участников общения, переговоров, дебатов и т.п., как совокупность вербальных и невербальных действий, возникающих в процессе создания дискурса. Именно это важно в процессе создания международных документов, что является объектом нашего исследования. И собственно текст творится под влиянием дискурса, а, возможно, и составляет дискурс как текст, возникший в процессе вербальной коммуникативной деятельности между Сторонами – участниками (авторами) того или иного международно-правового документа (текста).

Такой подход, по нашему мнению, наиболее исчерпывающий относительно изучения процесса создания и анализа международно-правовых документов. Однако следует добавить довольно оригинальный подход к дискурсу с позиции отношения между участниками коммуникации, который В. И. Карасик представляет как личностно-ориентированное и статусно-ориентированное общение [43]. В то же время акцентируем внимание на том, что личностно-ориентированный подход, который играет важную роль при рассмотрении речевой деятельности в бытовой сфере, малоэффективен при анализе международных документов. Второй – статусно-ориентированный – предполагает, что коммуниканты в ограниченном наборе ролевых характеристик реализуют себя как представители определенных групп людей или государств, общественно-политических институтов (начальник, политик и т.п.). Причем статусно-ориентированный дискурс проявляется в нескольких типах институционального общения, выделенных на основании социальных

институтов, функционирующих в обществе, или политических в рамках международно-политической или международно-правовой по своему характеру коммуникативной деятельности.

В основу такого подхода положено положение о том, что диалог - это главная форма дискурса, которая обладает определенными особенностями, имеет свою структуру; участниками диалога могут быть два и более человек, поскольку следует принимать во внимание специфику объекта исследования. Определение единиц, составляющих диалог, является предметом исследования таких авторов, как: В. Г. Борботько, Т. М. Дридзе и др [17, 35]. В то же время анализ работ представителей разных направлений позволяет утверждать, что ни одна из рассмотренных нами классификаций не отражает всего многообразия дискурса.

Итак, рассматривая главные толкования содержания дискурса, можно утверждать, что дискурс существует в следующих трех измерениях: участники коммуникации, ситуация общения и текст. Соответственно, при построении типологии дискурса необходимо учитывать эти три уровня классификации.

Важнейшим представляется категория участников общения, поскольку именно они творцы текста. Собственно участник коммуникативной деятельности, выступая от имени того или иного общественного (государственного, политического) института, в значительной степени определяет, во-первых, характер коммуникативной деятельности, а во-вторых, вносит определенную специфику в текст как результат коммуникации. На этом уровне классификации некоторые авторы отличают личный и институциональный дискурс. При этом участники личного дискурса проявляют свойства собственной личности, тогда как институциональный дискурс требует от коммуникантов использования клише, отвечающих нормам социума в публичных и государственных институтах. Исходя из предмета нашего исследования, именно институциональный тип характерен для изучаемого комплекса вопросов.

Следующий уровень классификации предполагает дальнейшее уточнение и конкретизацию указанных двух типов дискурса. Личный дискурс, в зависимости от цели коммуникации, можно разделить на художественный (самовыражение говорящего) и повседневный (удовлетворение практических потребностей говорящего). Акцентируем внимание на отличиях в подходах к определению особенностей применения институционального дискурса. Здесь необходимо учесть цель коммуникации. В нашем исследовании это:

- обмен информацией между сторонами и передача информации одной стороны другой для дальнейшего заключения международных, правовых документов, соглашений, конвенций, уставов;

- прототипные характеристики ситуации общения, главными из которых на определенном уровне есть место (конференц-зал, зал переговоров, штаб-квартира той или иной международной организации).

Каждая из них будет придавать определенную специфику и особенности для использования тех или иных форм речевой деятельности и способов создания текста как проявления интересов участников процесса коммуникации [56].

Итак, несмотря на то, что дискурс играет роль своеобразного звена между коммуникацией и текстом, а иногда трактуется как дискурс-текст, можно предположить, что эти две категории объединены одним концептом: текст - это законченное речевое целое. Текст имеет определенную структуру и отвечает определенным критериям текстуальности. Приведем определение текста М. М. Бахтиным: «Текст (письменный и устный) – первичная данность всего гуманитарно-философского мышления. Текст является непосредственной действительностью, из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [11].

Мнение, высказанное М. М. Бахтиным, стало программным для языкознания; сегодня его называют теорией дискурса. Именно дискурс –

текст, взятый в его функционально-прагматичной целостности – является главной формой общения (коммуникации) и определяется как объект и предмет исследования лингвистики текста.

Отметим, что кроме установления и изучения единиц текста, анализа парадигматических, синтагматических и межуровневых связей внутри объекта исследования возникает необходимость всестороннего анализа коммуникативной ситуации, в которой происходит творение и восприятие текста, то есть его реализация.

Немалую роль в теории дискурса отводят высказыванию. В рамках трактовки М. М. Бахтина по поводу высказывания, мы можем определить его как целостную единицу общения, характеризующуюся такими базовыми свойствами, как информационная, интенциональная и композиционная завершенность; в этом контексте понимание дискурса не противоречит известной формуле Ц. Тодорова относительно дискурса как структуры «после речи, но до выражения» [91], – однако высказываний не любых, а построенных в системе силовых линий социокультурного поля этого дискурса.

Текст – это высказывание, которое проектируется в рамки удаленной во времени или пространстве коммуникации, а, следовательно, это высказывание, в котором коммуникативная актуальность приобретает уже не столько имеющийся, сколько потенциальный характер. Интенциональную структуру высказывания можно рассматривать в рамках достаточно сложной и многоуровневой модели, как, например, у П. Ф. Стросона и М. Л. Макарова [76, 67].

Не углубляясь в общую теорию интенциональности, обозначим это понятие в его сущности для нашего текста: интенция – это коммуникативное намерение или коммуникативная цель, с которой сопровождается высказывание в общении. Интенций может быть несколько, и они могут быть разнохарактерными и разноуровневыми в зависимости от ситуации. Понятие интенции соотносится с понятием коммуникативной стратегии,

разрабатываемой в различных аспектах в коммуникативной лингвистике, риторике и наратологии. Понятие категории дискурса мы рассмотрим впоследствии, а сейчас изобразим наглядно заключительный тезис этого раздела: оба вектора коммуникативной завершенности высказывания – информативный и интенциональный – образуют его актуальный смысл [Рисунок 4].

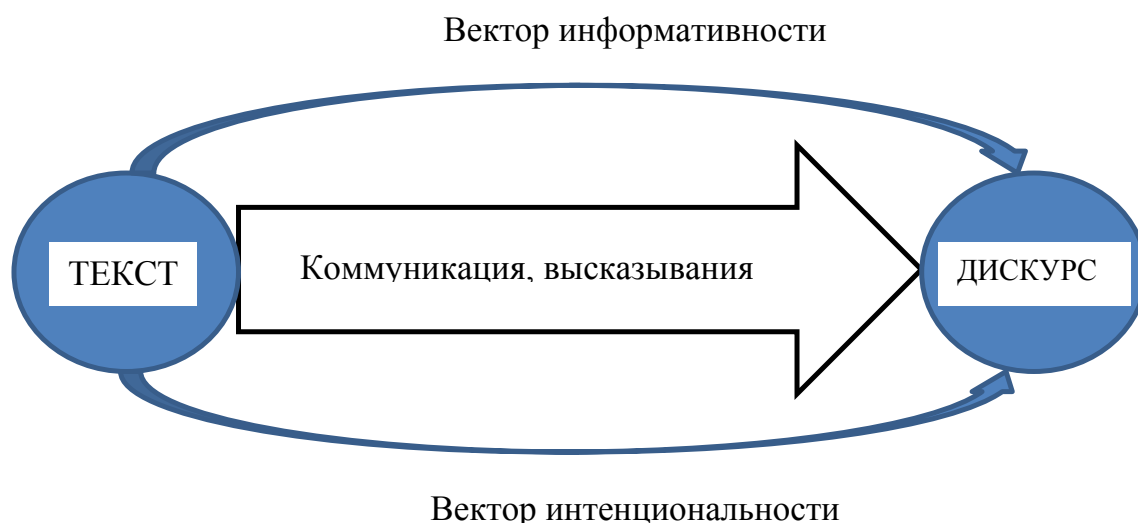

Рисунок 4. Соотношение текста и дискурса (составлено автором).

Неотъемлемым качеством выражения как единицы общения является его коммуникативная актуальность, локализация в зоне актуальности коммуникативной ситуации. Причем зона актуальности может быть предельно разной – от моментального «здесь и сейчас» в повседневном дискурсе, до монументального «всегда и везде» дискурсов, встроенных в высшие уровни духовной культуры.

Высказывания и текст являются двумя сторонами одного целого, хотя это две разноакцентированные стороны: высказывание – коммуникативная сторона, а текст – коммуникативно потенциальная. Итак, высказывания неотделимо от текста, несмотря на принцип его осуществления.

В целом вопрос относительно отношения текста к дискурсу опосредован моментом высказывания. Дискурс через высказывание творится и восстанавливается в текстах. Следует только учитывать качественную меру

этой закономерности: понятно, что дискурсы устной сферы общения (повседневный, профессиональный) опираются в основном непосредственно на высказывания, мало нуждающиеся в текстах. Понятно и обратное: дискурсы письменной культуры вообще не существуют вне текстуального начала, поскольку собственно высказывания, создающие дискурсы, первоначально рождаются в текстах [118]. Отсюда следует, что текст как многокомпонентное явление имеет довольно сложную систему взаимоотношений не только с дискурсом социальным, научным, политическим и т.д., а с совокупностью дискурсов, как систем взаимосвязей явлений в сфере коммуникативной деятельности.

Подытоживая изложенное выше, мы видим, что дискурс тесно связан с текстом. С когнитивной и речевой точек зрения понятие дискурса и текста связано еще и причинно-следственной связью: текст создается в дискурсе и является его основой. Нельзя изучать дискурсивную деятельность вне культурологических и социально-исторических данных, вне сведений о том, кто осуществлял дискурсивную деятельность, с какой целью, при каких условиях, с каких позиций и т.д. Однако текст можно анализировать, абстрагируясь от аспектов представленного перечня, то есть довольствуясь тем, что можно извлечь из текста как такового и изучать его как завершенное языковое произведение. Не случайно в момент становления лингвистики текст дискурсивный и текстовый анализ трактовали как синонимические термины.

Как отмечает О. С. Кубрякова, текст, содержащий информацию, рассчитан на понимание, а, следовательно, на получение и передачу информации [38]. С этой точки зрения текст рассматривают как такое произведение, такую протяженность, которая по всей своей архитектонике и организации, по всем использованным в ней языковым средствам и т.п. должна обеспечить у адресата формирование его ментальной модели [51]. В этом смысле необходимо обеспечить адресату выход за пределы

непосредственного данного собственно в тексте, служа источником дальнейших возможных интерпретаций текста.

Ранее часто возникал вопрос о том, какие именно ментальные модели строит говорящий для того или иного текста. Считаем, что необходимо задать этот вопрос по-другому, подчеркивая, что текст как правильно организованная форма коммуникации, как сообщение, уже включает в себя языковые единицы, средства, сигналы и т.п., необходимые для построения. Наша способность составлять резюме текста, писать аннотацию, конспект, произведение – это доказательство не только того, что главное в тексте – его содержание, информация, структура опыта и знаний, но и явное свидетельство того, что процесс получения знаний – это процесс, требующий особых приемов обработки в тексте речевого материала. В этом процессе – по своей когнитивной сущности – оказываются задействованы и знание языка, и знание мира, и, в конце концов, знание в принятых в языке соотношениях языковых структур с когнитивными.

Следовательно, можно утверждать: поскольку понятие текста и дискурса невозможно вложить в узкие рамки, проблему соотношения понятия текст-дискурс следует рассматривать с точки зрения функциональности через призму учета как можно более широкого круга факторов места и пространства, интереса и мотивации в определении места дискурса (как коммуникативной ситуации). В процессе создания текста в целом, или текста международных документов как коллективного выражения интересов различных общественно-политических групп, делегированных через собственные государства. В этом контексте дихотомия «текст-дискурс» кажется такой, которую необходимо трактовать через призму определенного типа дискурса в соответствии с исследуемой проблематикой, в частности – в рамках дискурса международных документов или делового межкультурного общения.

Выводы по главе 2

Текст как центральный феномен лингвистики сегодня не имеет четко сформулированного определения, поскольку является явлением многокомпонентным и сложным. Это явление требует уточнения за счет введения новых критериев и учета особенностей текстообразования в зависимости от коммуникативной ситуации и задач, которые перед ним поставлены. Его сложность обусловлена не столько широким спектром применяемых критериев для его определения, сколько фактом, что текст как инструмент социальной, культурной и общественно-политической деятельности личности (индивида) необходимо рассматривать как живую субстанцию, которая находится в постоянном динамическом движении и развитии. В этом случае следует учитывать широкий спектр признаков его трактовки как завершенного документа.

Под текстом мы понимаем осмысленную последовательность знаков и элементов речевой деятельности человека, которая имеет функциональные особенности и играет роль коммуникации, информативности и передачи информации для определенного адресата.

Дискурс как один из параметров анализа имеет чрезвычайно важное значение в процессе исследования текста. Это объясняем широким применением понятия дискурса как в тексте, так и в ситуации, в которой

творится собственно текст, так что оно требует более глубокого исследования.

Считаем, что дискурс является признаком коммуникативной деятельности и неотъемлемой составляющей процесса создания текста. Это приводит к необходимости дальнейшей разработки проблематики дискурса с учетом особенностей коммуникации в различных сферах человеческой деятельности, прежде всего, необходимость анализа соотношения дискурса и текста в такой динамической сфере, как международные отношения, характеризующиеся активными трансформационными процессами, в том числе в коммуникативной деятельности на межгосударственном уровне и учитывая специфику межкультурного общения.

Считаем, что дискурс и текст – взаимосвязанные и взаимообусловленные элементы в процессе коммуникативной деятельности человека, а также государства как уполномоченного лицом института на участие в коммуникативном акте, результатом которого является текст. Так что текст и дискурс являются неразрывно связанными явлениями. В этом контексте дихотомия «текст-дискурс» кажется такой, которую необходимо трактовать через призму определенного типа дискурса в соответствии с изучаемой проблематикой, в нашем случае – в рамках межкультурного официального делового дискурса.

С точки зрения функциональности понятия текста и дискурса следует рассматривать через призму учета как можно более широкого круга факторов места и пространства, интереса и мотивации в определении места дискурса (как коммуникативной ситуации) в процессе создания текста в целом, или текста документов международных организаций как коллективного выражения делегированных интересов различных общественных, деловых или политических групп.

Учитывая наше исследование, межкультурный официально-деловой дискурс приобретает более широкое понимание, поскольку его сфера распространяется за счет выхода процесса создания деловых документов

путем коммуникации на межкультурном уровне. Очевидно, в этом случае понятие межкультурного официально-делового дискурса в сочетании с общественно-политической культурой (культурами) приобретает определенные особенности или даже поли- или мультикультурную окраску.

РАЗДЕЛ 3. ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ

3.1. Особенности текстов международных официально-деловых документов в системе классификаций текста

Научное исследование официально-делового текста выполнено на стыке таких наук как философия, социология, психология, лингвистика и психолингвистика. В этот список следует приобщить также политическую лингвистику, политологию, международные отношения и т.д. Ведь, если не принимать во внимание мультикультурность и мультилатерализм как контекстные характеристики текста, это может спровоцировать ограниченность анализа, а в определенных ситуациях – невозможность избегания определенного субъективизма, в частности при анализе функционально-стилистических и дискурсных особенностей текстов международных официально-деловых документов.

Официально-деловой текст есть результат столкновения различных интересов и стратегий, идей, волевых усилий и дискурсов общественных, коммерческих, правовых или политических субъектов [97].

Основой типологии текстов могут быть разные признаки в зависимости от цели исследования. В языкознании и лингвистике термин тип текста не имеет единого определения. Кроме этого понятия используют также такие классификационные категории, как класс текста, вид текста, форма текста и образец текста. Перечисленные термины являются синонимами, каждый из которых применяют в зависимости от мнения того или иного лингвиста.

В языкознании выделяют два подхода к лингвистическим исследованиям текстов: функциональную типологию (социальные функции и цель использования текстов) и структурную типологию (внутренняя организация текстов).

Первое направление отражает традиционную для риторики классификацию, что сближает типы речи (текста) с жанрами. Это, в частности, рассказ, описание, размышление. Другой, структурный подход (лингвистика текста) связан с выявлением, изучением и моделированием внутритекстовых связей; к тому же, вводится понятие компонент текста (абзац, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое и т. д.).

Несмотря на большое количество определений, единой основательной дефиниции термина «тип текста» до сих пор не существует, хотя В. Хайнеман в своих трудах попытался упорядочить по доминирующему критерию и выделил четыре этапа развития понимания этого термина [116]:

Тип текста как грамматическое единство. Важную роль играет когерентность предложений и их составных частей. Критерием для выделения типов текстов являлись отдельные элементы связности текста. Однако со временем стало ясно, что для типологии текстов только формальных признаков недостаточно.

Тип текста как семантико-смысловое единство. В рамках такого понимания тип текста определяли исходя из комплексных структур текста и соответствующих совокупностей значений, трактуя их семантически по способу изложения (нарративный, дескриптивный и т. п.).

Тип текста как ситуативное единство. Ситуация и ситуативные аспекты явились критерием для типологии текстов. Недостатками такого подхода считают чрезмерную всеобщность выбранных ситуативных аспектов, а также пренебрежение семантико-смысловыми и языковыми категориями.

Тип текста как единство, что определяется коммуникативной функцией.

Ни один из перечисленных подходов, по мнению В. Хайнемана, не оправдал себя, поскольку создание общепринятой типологии текстов возможно только с помощью анализа текстов на всех уровнях, а не только на одном [114].

Количество типов текста в отдельном языке зависит от прикладной схемы для классификации. Например, Р. Айгенвальд предложил собственную типологию текстов, что базируется на 5-ти глобальных сферах использования [112].

- газетные тексты (сообщение, комментарий, передовая статья и т. п.);
- экономические тексты (рубрик «Экономика» в газетах);
- политические тексты (политическая речь, резолюция, прокламация, памфлет и т.п.);
- юридические тексты (законодательные тексты, судебные приговоры, договоры и т.п.);
- научные тексты (научная статья, диссертация, монография и т.п.).

В нашем случае тексты официально-деловых документов интернациональных международных организаций, на первый взор, подпадают под юридический тип текстов. Не считая того, следует принимать во внимание политический контекст процесса создания интернациональных организаций как политических институтов сотрудничества меж государствами, а, следовательно, тексты международных официально-деловых документов, разумеется, можно причислить к обоим типам, в зависимости от контекста рассмотрения данной трудности. В любом случае

речь идет о полидисциплинарном характере и подходе при анализе их текстов.

Довольно оригинальной кажется классификация, предложенная Б. Текстмайер, которая опирается на разговоры и определяет типологию разговоров [124]:

- разговоры в экономической сфере;
- в сфере образования;
- в сфере юриспруденции;
- в области науки;
- в СМИ;
- в пределах общественных организаций;
- в семье.

Такие подходы подверглись критике из-за произвольности упорядочения типов текстов в глобальные категории и частично из-за недостаточной однородности избранных глобальных критериев.

Функциональные модели базируются на коммуникативной функции текстов, то есть исходят из того, что тексты производятся в конкретных коммуникативных целях. Внутритекстовые критерии зависят от коммуникативного контекста. К ним относятся: функция текста, коммуникативный канал и коммуникативная ситуация, в которой возникает текст. В таких моделях решающим типом текстов является их главная функция (использование и цель), на основе которой тексты классифицируются в конкретные типы. Итак, функция текста служит доминирующим критерием.

К примеру, тексты, основная функция которых – передача информации, можно объединить в категорию информативных типов текстов. Тексты, являющиеся инструкциями для реципиентов, по функциональной модели относятся к директивным текстам. Тексты, которые отражают политическую деятельность определенных общественных единиц, зачислены к политическим текстам; если же их функцией является определение

определенных моделей правового или нормативного поведения – к юридическим или нормативным текстам. Собственно такая расплывчатость обусловлена прежде всего неопределенностью понятия функция текста. Согласно одному из определений, функции текста – это определенные инструкции адресанта, направленные адресату текста. Итак, функция текста содержит информацию о модусе понимания, заложенном адресантом.

Следующая классификация типов текстов базируется именно на функциональном подходе:

- когнитивные тексты: научные и научно-популярные;
- нормативные тексты: законодательные;
- информативные тексты: сообщения, комментарий, новости, описания, протоколы, характеристики;
- апеллятивные тексты: политическая пропаганда, реклама, анонсы, приглашения и т.п.;
- дескриптивные тексты: объясняют положение вещей, например описание продукта в технической документации;
- тривиально-нарративные тексты: к ним относятся произведения художественной (биографические романы) и массовой (романы, детективы) литературы;
- эстетически-креативные тексты: лирика, эпос, драма [107].

Отсюда следует, что функциональная направленность текста того или иного документа требует более четкого определения и доработки.

Таким образом, обобщенно классифицировать современную текстовую коммуникацию можно разделить на:

- агитационные (предвыборная агитация, рекламный текст, политическая речь, политический комментарий);
- объяснительно-рассказные (повествовательные) или предметно обусловленные (научный, философский текст);
- социально обусловленные (закон, договор, указ, положения, распоряжения);

– сообщения личного характера (открытка, записка, личное письмо).

Жанровое разнообразие официально-деловых текстов характеризуется не только общими типологическими чертами, но и тематической многогранностью, структурой, индивидуальностью сочетания компонентов текста. Отметим, что в политическом тексте именно определение факта является в определенной степени затруднено, поскольку социально-политическая основа вызывает его трактовку как социально-обусловленную мысль.

Рассмотренные выше признаки свидетельствуют о синтезированном характере официально-деловых текстов, в котором действуют характеристики устного и письменного типов взаимодействия языка.

Когда появляются свойства устного типа языка, они подтверждают главное свойство устной речи – процесс формирования мысли сразу с действием непосредственной коммуникации. Когда же проявляются характеристики письменного типа языка (например, юридическая и дипломатическая лексика, полнота изложения, сложные предложения, макрореплики, наличие причастных и инфинитивных оборотов), они подтверждают главное свойство письменного языка – возможность предварительного обсуждения, подбора языковых средств связи для коммуникации и т.д.

Специалисты соглашаются с тем, что чисто лингвистические определения политических текстов неправомерны, поскольку текст сочетает в себе как языковые, так и социальные аспекты. В таком понимании понятие «текст» можно соотнести с понятием «дискурс», а «политический текст», соответственно, – с понятием «политический дискурс». В этом контексте целесообразно акцентировать внимание на подходах к изучению и пониманию политического текста.

Политический текст – вербализованная политическая деятельность во всех ее проявлениях: как знаковых/символических (нормативная и аккумулятивная деятельность), так и незнаковых (тексты-перформативы).

Это понятие охватывает тематический объем и стилевые особенности, реализуемые в языке, а также средства политической активности языка.

Политический текст, как особая коммуникативная система, характеризуется, как и коммуникация в целом, многофункциональностью: он не только является структурой взаимодействия его элементов, но и задает правила их взаимодействия, проявляя как знаковые, так и моделирующие сущностные характеристики. Таким образом, политический текст строится как форма организации, то есть определенная система отношений составляющих его материальные единицы...» [61].

Рассмотрение текста как целостной структуры в целом, и политического текста в частности, выдвигает перед лингвистами следующие задачи:

- 1) исследование групп семантически связанных предложений;
- 2) анализ способов сочетания групп семантически связанных предложений в сложное синтаксическое целое;
- 3) изучение семантических, синтаксических и структурных свойств и взаимоотношений элементов сложного целого;
- 4) описание типов связей между семантически связанными компонентами текста;
- 5) выделение категорий завершенности и цельности текста.

Разрабатывая грамматику текста, Т. ван Дейк предлагает определить «отношения линейного (поверхностного) сцепления в связном тексте, которое в свою очередь должны определить глобальное сочетание» [246]. Иными словами, грамматика текста должна изучать микроструктуры, закономерности их образования, а также переход микроструктур в макроструктуры и далее – в структуру текста. Такой подход позволяет использовать понятие зависимости поверхностных структур предложений от абзаца, языковых элементов и единиц – от структур, идейных и тематических элементов – от языковых и т.п. Исследование структуры официально-делового текста позволяет выявить как его инвариантность, так и конкретные

типы связей между элементами и структурами в том или ином конкретном случае.

Достаточно актуальным такое исследование представляется в процессе анализа структурных особенностей текстов международно-правового характера, которым присуще наличие специфики как с точки зрения правового аспекта, так и лингвистического. Наличие структурных элементов официально-деловых документов международной организации как единого целого текста при применении этого подхода позволяет рассматривать и анализировать каждый структурный элемент отдельно в сочетании микро- и макроуровней каждого конкретного документа, который, в нашем случае, с лингвистической точки зрения трактуем как текст [56]. Конкретность типов связей элементов того или иного текста создает идиолект автора текста, что способствует выявлению системы значимых элементов, характерной для конкретного автора, межкультурных особенностей, эпохи создания текста, жанра, политической партии, государственных (национальных) интересов и т.д.

В этом случае можно предположить, что текст – срединный элемент трехэлементной схемы коммуникации, которую можно изобразить в следующем виде: **автор (адресант) → текст → реципиент (адресат).**

Как срединный элемент коммуникативного акта текст выявляет свою специфику в кодировании и декодировании. Что касается адресанта, то текст является кодированной единицей, поскольку автор кодирует определенную информацию. Для восприятия представленной в тексте информации адресату (реципиенту) необходимо его декодировать.

Автор (говорящий), согласно своему замыслу, порождает текст с целью наилучшей передачи его содержания. Он редактирует текст на этапе внутренней, мыслительной подготовки, а в письменном варианте – в процессе саморедактирования, в соответствии со стилистическими нормами речи и коммуникативной целесообразности в каждой отдельной ситуации. Важно соблюдение этих параметров в процессе подготовки текста

учредительных документов, поскольку от процесса кодирования и декодирования зависит точность передачи и восприятия и понимания заложенных в тексте положений, а, следовательно, и эффективность деятельности организации.

Отметим, что исследование политического текста в историческом ракурсе дает основание говорить об определенном стиле политического направления, исторической эпохи. Как бы ни различались «идиолекты» политических деятелей определенной эпохи, в целом политический текст характеризуется некоторыми инвариантными параметрами. Условно говоря, можно отметить «идиолекты» определенного исторического периода той или иной страны, того или иного народа.

Процесс понимания официально-делового текста подразумевает не только текст как лингвистическую данность, как материализованный продукт общественно-политической деятельности адресанта-автора этого текста, но и учитывает связь текста с эпохой, исторической ситуацией и конкретным читателем. Восприятие текста зависит от рассмотренных выше категорий, налагающих на текст определенные коннотации, более широко – экстралингвистический контекст [106]. Структура экстралингвистического контекста пересекается со структурой текста. Для политического текста большей степени показательным является то, что экстралингвистический контекст написания и прочтения текста меняется довольно быстро.

Социальный и исторический контексты эпох декодирования, вступая во взаимодействие, могут иметь разную степень сходств и различий, образуя своеобразную «шкалу» восприятия.

Политический текст как целостная структура требует учета особенностей исторического, культурного и социального фонов, а также средств создания сюжетно-тематической и политико-идеологической общности. Сечение, взаимопроникновение и взаимовлияние всех параметров текста, таких как характер информативности, специфика коммуникативности, особенности функционирования системы кодирования,

взаимосвязь процессов кодирования, декодирования и интерпретации, взаимоотношения адресанта и адресата текста, признаки индивидуальности информативно-влияющей системы, стилевая маркировка, актуализация как коммуникативной системы. Некоторые из них можно считать внутренними, другие внешними признаками текста. Внешние признаки текста, такие как исторический, культурный и социальный фоны, политический контекст, определяют коннотации текста или специфическую информацию.

Они являются позатекстовыми, экстралингвистическими элементами текста, так «...могут быть описаны как связки множества элементов, зафиксированных в тексте, с множеством элементов, из которых был осуществлен выбор данного потребленного элемента» [61].

Вышеуказанные коммуникативные параметры текста отличаются как динамичностью своего характера, так и особой динамичностью их взаимодействия, что влияет на структуру текста в целом. Политический текст как семиотическая система оказывается связанным с другой, вторичной, семиотической системой, а именно - культурой в целом и социальной культурой в частности. Обе системы связаны с первичной семиотической системой – языком. Язык, как известно, является средством взаимодействия представителей определенного социально-речевого общества. Общий социально-культурный опыт служит основой коммуникации. Взаимодействие культуры, языка и текста исследователи рассматривают по-разному. В частности, Ю. М. Лотман и А. М. Пятигорский определяют культуру как «совокупность текстов или сложно построенный текст» [61]. Текст можно рассматривать как средство проявления, сохранения и передачи культуры; можно его рассматривать и как средство политической социализации.

Текст характеризуется многоярусностью иерархически организованных уровней: речевого (словесного), суперсегментного и сюжетного. Языковый уровень делят на лексико-морфологический и синтактико-грамматический, которые являются последовательностью дискретных единиц, формирующих

собственно словесное выражение, текст. Суперсегментный уровень проявляется в авторской речи.

Сюжетный уровень проявляется в результате взаимосвязи речевого и суперсегментного уровней. В международном официально-деловом тексте «сюжет» наделен идеологическими импликациями сюжетно-идеологического уровня. Адресат выстраивает свой текст так, чтобы сюжетное построение привело его к нужным ему идеологическим построениям.

Взаимодействие разных рядов системы коммуникации создает непрерывный коммуникативный континуум (процесс), сегментация которого возможна благодаря функционированию моделей восприятия. В процессе создания текста в непрерывном языковом континууме доминирует тот или иной ряд: языковой, паралингвистический или кинесический. Взаимодействие этих рядов, наложение их друг на друга создают синкретичность языка. Характер выдвижения определенного ряда и характер их взаимодействия зависят от функционально мотивационных целей общения, причем проявление взаимодействия этих рядов на семантическом уровне может быть эксплицитным и имплицитным. В связи с взаимодействием всех указанных выше показателей всех средств, воспринимаемых в общении в совокупной целостности, инвариант выполнения текста имеет некоторое множество вариантов функционирования. Функционирование предполагает разные способы передачи информации, серию трансформаций: от языка как открытой системы к тексту в виде закрытой системы; от текста как открытой системы к исполнению в качестве закрытой системы [87].

Правила оптимального функционирования текста варьируют в зависимости от вида языка: ораторского, сценического, научного, дипломатического или дикторского. Функционирование приобретает разную значимость в зависимости от функции. Различная значимость функционирования текстов зависит не только от соотношения содержания и плана выражения, но и от внутренней структуры языка. Эти данные

подтверждают мнение относительно закрепления тех или иных средств текста, коррелятивно соотносящихся с той или иной сферой общения, их действия на характер восприятия текста, декодирование и интерпретацию аудиторией.

При восприятии текста (читаемого или произнесенного) реципиент декодирует не только языковой ряд, но и запрограммированные источником импликации паралингвистический и ритмико-интонационный ряды, проявляющиеся в политическом тексте в идеологических импликациях. Функционирование текста – это сложный процесс актуализации эксплицитного и имплицитного планов. Действие, восприятие, интерпретация и декодирование (исполнение) текста – взаимосвязанные и переходящие друг в друга категории. С восприятием текста читатель (слушатель) лично становится источником коммуникации, происходит перекодирование сообщения.

Восприятие, понимание и интерпретация политического текста подразумевают восприятие и переработку сложной иерархии код-уровней и систем коммуникации, что связано с варьированием этих процессов и закономерностью различных прочтений текста. Однако даже при разных прочтениях одного и того же текста разными читателями объективным критерием понимания и интерпретации служат устойчивые речевые компоненты на разных уровнях языка, взаимодействие которых обнаруживает два уровня значения – эксплицитный (поверхностный) и имплицитный (глубинный). В противном случае текст не будет выполнять свою главную функцию – коммуникативную. Читатель (слушатель) воспринимает не только фактическую информацию в его вербально-невербальном комплексе, но и те импликации, которые всегда прослеживают в системах первичной и вторичной коммуникации (т.е. не только в природной коммуникации, но и в текстуальной), и служат индикаторами как подтекста, так и намерения или идеологической позиции адресанта. Такие

индикаторы можно отнести к контекстуально-семантической дифференциации языка.

Официально-деловой текст, как особая форма коммуникации, возникает как результат взаимодействия планов выражения и содержания. Здесь следует обратить внимание на процесс коммуникации не только как процесс передачи текста, но и процесс взаимодействия адресанта и реципиента, действующих через канал коммуникации, передающий ту или иную информацию в виде текста.

Любой канал коммуникации подвержен воздействию помех. Для официально-делового текста такими препятствиями служат структуры и лица, диссонируемые во время восприятия читателем (слушателем). К препятствиям восприятия текста можно отнести следующие социальные характеристики личности: знания, потребности, нормы, убеждения, предрассудки, энтузиазм, культуру реципиента. Низкая культура, ограниченное адекватное восприятие, малый жизненный опыт, отсутствие фоновых знаний, необходимых для адекватного декодирования, определенная идеологическая, социально-культурная, политическая и религиозная принадлежность, разные интеллектуально-эмоциональные характеристики могут спровоцировать к искажению информативной сути текста.

Подобными препятствиями при восприятии являются личностные коннотации реципиента. Такая особенность положена в основу явления «разночтения» одного и того же текста разными читателями. Хотя любой текст кодируется для обеспечения высокой помехоустойчивости, на практике стопроцентная помехоустойчивость невозможна, поскольку структура личности реципиента настолько разнообразна, что учесть все ее параметры невозможно. Это достаточно показательно для политического текста, моделирование действия которого влечет за собой моделирование восприятия читателем таких текстов. Следовательно, тексты официально-деловых документов международных организаций следует рассматривать как

продукт коммуникативной деятельности политиков (дипломатов) или бизнесменов, подвергающийся ряду препятствий, переговоров, поиску компромисса или консенсуса на пути создания документа (текста) как в политическом, бизнес- так и лингвистическом контекстах (смыслах) [56].

Исследование методов лингвистической эффективности в процессе передачи информации политического текста является одной из принципиальных задач лингвистики текста. Можно предположить, что политический текст в жизни современного человека занимает одно из определяющих мест, влияя на многие стороны его жизни, на восприятие социальной и политической ситуации в мире, восприятие идеологической приверженности. Прежде всего, это становится актуальным в свете роста роли социально-общественных и политических институтов в жизни человека и государства как институции, которая через делегированный суверенитет должна решать неотложные проблемы общества через деятельность, в том числе в международных организациях.

Различные виды текста – художественный, политический, рекламный – можно использовать в качестве средств пропаганды и агитации. Идеологичность разных видов текстов определяется общественными отношениями лиц как элементов общества. Процессы действия и восприятия текста варьируют в зависимости от того, с помощью которого текста проводят действие. Вариативность восприятия связана с вариативностью использования главных параметров коммуникации, к которым относятся:

- основная знаковая система, которую используют в определенном виде коммуникации (речь);
- структура передаваемого содержания;
- преобладание типа информации: семантической, эстетической, идеологической;
- количество передаваемой информации;
- скорость передачи информации;
- характер и степень избыточности;

- характер социального назначения коммуникативной системы;
- цель и цели коммуникации;
- специфика набора стилеобразующих (маркированных) единиц;
- специфика структурной организации;
- степень эффективности коммуникативной системы;
- культурная обозначенность (определенность) системы [113].

Перечисленные параметры сочетаются с такими характеристиками как обмен опытом адресата и адресанта, доступность и эффективность текста. В результате восприятия текста субъективный опыт адресанта и адресата должны совмещаться для создания общего потенциала коммуникации. В политическом тексте такое навязывание иногда приобретает манипулятивный характер.

Поэтому интерпретация любого текста может отмечаться вариативностью в пределах определенной шкалы, несмотря на особенности собственно процессов взаимодействия и восприятия, которые являются сложным явлением взаимосвязанного ряда: **действие – восприятие – понимание – оценка – анализ – интерпретация.**

Расчленение ряда на коммуникативные составляющие представляет собой непростую задачу; каждый из этапов является взаимопереходным, неотделим один от другого. Исследователи рассматривают восприятие в целом как сложный активный процесс познания окружающей действительности.

Приведенный выше анализ подходов к определению текста позволяет рассматривать тексты международных официально-деловых документов как сложный механизм или институт лингвистики. С другой точки зрения, многообразие сфер и форм деятельности человека и его отражение в речевой деятельности и письменных документах позволяет сделать предположение о необходимости избрания методологии исследования текстов международных официально-деловых документов международных организаций.

Следовательно, при анализе текстов международных официально-деловых документов интернациональных организаций можно найти их общие и специальные характеристики, причем некие общие характеристики имеют своеобразное соотношение либо функционирование в каждом из видов общения. Общим для всех видов является моделирование семантического варьирования, однако предпочтительные модели актуализации смыслов в каждом виде текста различны. Определяющей особенностью текстов международных официально-деловых документов есть их функциональное назначение, то есть использование в процессе социально общественной, политической, правовой или коммерческой деятельности на международном уровне. Следовательно, такой текст сочетает в себе информативность и директивность, характеризуется контекстной окраской.

Принимая во внимание тему нашего исследования, следует констатировать полидисциплинарность текстов международных официально-деловых документов международных организаций и невозможность применения к их анализу и классификации чисто лингвистической модели типологизации. Очевидна необходимость рассмотрения этих текстов с учетом основ межкультурного и политического дискурса и особенностей классификации международно-правовых документов международных организаций, что является вопросом достаточно дискуссионным и требует, на наш взгляд, отдельного рассмотрения.

3.2. Функционально-стилистические особенности языка международных официально-деловых документов

Исходя из специфики употребления терминологической лексики в международных официально-деловых документах интернациональных организаций, можно предположить, что тексты международно-правовых соглашений по своим жанровым особенностям относятся к официально-деловому стилю.

Одной из базовых характерных особенностей международных договоров в целом и международных официально-деловых документов интернациональных организаций является принадлежность к официально-деловому функциональному стилю. На первый взгляд стиль текстов официально-деловых документов международных организаций труден и запутан. Такие черты стиля, как многословие, сложные конструкции, синтаксис, избыток повторов, только составители договоров считают крайне необходимыми и незаменимыми языковыми средствами, способствующими точности, информационной краткости, четкости изложения, однозначности толкования, и всеохватности положений. Стиль официально-деловых документов международных организаций безличный, беспристрастный и объективный. Прагматико-коммуникативная направленность договоров оказывает непосредственное и определяющее влияние на язык и стиль этих документов.

Вес каждой детали, каждого определения, важность четкого изложения, необходимость оговорок, соответствие принятому деловому или политическому этикету, объяснений, толкований и уточнений хотя и усложняют синтаксис, однако обеспечивают эффект однозначности и всеохватности.

Официально-деловые документы международных организаций заключают по устоявшейся традиции, по установленным правилам и образцам. Именно поэтому стандартная форма – важнейшая деталь такого рода текстов.

Уместным в этом контексте выглядит высказанное М. Брандес утверждение, что в пределах одной предметной отрасли функциональный стиль «унифицирует тип функционирования, тип поведения каждого речевого жанра», что наиболее полно подтверждается именно характером официально-делового стиля: «Официально-деловой стиль управляет выбором и комбинированием языковых средств для оформления содержания

высказывания в сфере чисто официальных человеческих взаимоотношений, а именно в сфере правовых отношений и управления»[20].

Отмечая книжный характер и письменную форму официально-делового стиля, М. Брандес логически продолжает: «...он не является языком регулярного массового общения. Кроме того, он коммуникативно односторонен: это язык сообщения, а не общения. Его воспринимают, но очень редко воспроизводят и им не разговаривают». На наш взгляд, замечания «им не разговаривают» существенно по поводу характеристики официально-делового стиля: его используют, он – средство: системное, кодовое, схематическое. Это в какой-то степени иллюстрируют международно-правовые документы, принятые в рамках международных организаций, которые служат скорее итогом устной коммуникации сторон соглашения, нежели выражением его речевой деятельности. В данном случае текст соглашения выражает конечный итог коммуникативной деятельности.

В международных официально-деловых документах интернациональных организаций можно выделить стандарт как первостепенную стилевую черту. Речь идет не только о словесном шаблоне – выражениях, клише, стереотипных фразах, но и об архитектонике текстового материала, его размещении, оформлении мыслей с использованием возможностей текста документа.

Стандартность языкового оформления документов отражает типичные и часто повторяющиеся ситуации в сфере деловых отношений, способствует экономии места и времени при оформлении и обработке документов, их адекватному восприятию и пониманию, повышает информативность документов.

Примерами документов, в которых текстовое оформление играет немаловажную роль, поскольку оно исторически выработалось и закрепились за этим типом документов, являются: резолюции, конвенции, уставы, декларации, меморандумы, соглашения тому подобное. Эту черту официальных документов отметил И. Г. Гальперин, подчеркивая, что почти

каждый официальный документ имеет свой композиционный рисунок (архитектонику). Пакты и уставы, меморандумы и декларации, конвенции, уставы и соглашения имеют сравнительно четкие внешние формы [29].

Стандартизация порождает устоявшиеся языковые формулы и блоки текстов, которые по синтаксическому строению напоминают словосочетание или модели предложений: *to act in concert; pecuniary compensation; sheltered person; right to work; to impose an obligation; to remain in force; to enforce the Declaration, in pursuance of the agreement; at request; signatory governments; Contrating States agree as follows; to lay the foundations of relations; validity of a Charter; notification is hereby given; to invalidate the Agreement.*

Особенностью устойчивых словосочетаний (языковых формул) является то, что они нерасчлененно выражают понятие и одновременно имеют отчетливую форму синтаксического словосочетания, как бы балансируют на границе между фразеологией и синтаксисом. За грамматическими признаками они - словосочетание, за употреблением - фраземы, которые невозможно можно модифицировать.

Следует учитывать, что лингвистический анализ структурных особенностей следует совмещать с рассмотрением самого текста документа в правовом контексте. Такой подход даст возможность дополнить коммуникативный подход к анализу текста, несмотря на дискурсные особенности заключения международных официально-деловых документов (уставов, конвенций, соглашений) интернациональных организаций.

Использование специальной терминологии и лексики в англоязычных текстах международных официально-деловых документов интернациональных организаций дает основания выдвинуть предположение о совместных синтаксических чертах, характерных для этих документов. Целесообразным выглядит анализ таких особенностей как составляющих общность элементов, присущую определенным стилям. Стиль учредительных документов международных организаций нельзя отнести только к одному из видов делового стиля. На то есть свои причины.

Например, Организация Объединённых Наций насчитывает организации, отличающиеся по тематике, направленности (Европейская Экономическая Комиссия ООН – экономические, научно-технические и политические вопросы; Комиссия ООН по торговле и развитию – вопросы внешней торговли и промышленного сотрудничества; Комитет по разоружению – политические и специальные вопросы разоружения; Комиссия ООН по правам человека – вопросы международного права; Экономический и социальный совет ООН – экономические, социальные и политические вопросы и т.д. В рамках одной организации решают не только однотипные вопросы, например юридические, но и политические и экономические. И именно экстралингвистические факторы (тематика документа, цель, направленность и т.д.) требуют подбора таких языковых средств, которые обеспечили бы формирование того или иного типа документа.

Проведенный анализ международных официально-деловых документов интернациональных организаций свидетельствует о том, что стиль этих документов неодинаков и неоднороден. Это не язык научно-технических текстов, законов или официальных документов в «чистом» виде. Если рассматривать стиль учредительных документов международных организаций в целом, то в нем можно обнаружить интересные переплетения различных стилистических средств, характерных для разных стилей.

Содержание документа, его характер и жанр находят отражение в особых языковых средствах, которые обычно не применяют в других сферах, а если и применяют, то несут они другую языковую нагрузку. Исследователь М. М. Кожина вполне правомерно отмечает, что «закономерный характер функционирования языковых единиц определяется назначением и спецификой того вида, в котором происходит общение, а, следовательно, и задачами коммуникации, задачами функционирования языка в той или иной сфере» [45].

Высказывая мнение по поводу коммуникативной функции официальных документов, И. Р. Гальперин отмечает, что главной целью

такого вида общения является установление условий взаимоотношения двух сторон, например: общества и его членов (устав, закон); двух или более государств (пакты, договоры); руководителя и подчиненного (приказы, указы; указания, директивы) президиума и собрания (правила процедуры, протоколы собрания) и т.д [29]. По нашему мнению, этот перечень можно расширить, добавляя в него учредительные документы международных организаций, которые, как уже отмечено, можно рассматривать как тексты официально-делового, а также дипломатического стиля.

В процессе определения стилового предела как термина, многие авторы придерживаются разных точек зрения. С точки зрения М.Н. Кожинной и М.П. Котюровой, стиловой предел – это совокупность качественных признаков любого функционального стиля, которыми наделен язык для выполнения четко определенных задач коммуникации в определенной сфере [46]. Поскольку стилевая граница обладает стилетворными свойствами, необходимо прежде всего выяснить, какие из них создают стиль документов международных организаций, а дальше – перейти к вопросу о стилистических приемах и средствах, обеспечивающих реализацию того или иного стилового предела в тексте документов.

На синтаксическом уровне для англоязычных текстов международных официально-деловых документов интернациональных организаций характерным является использование предложений с причастными и деепричастными оборотами, придаточных предложений, однако при этом содержание предложения не теряется благодаря членению его на отдельные блоки, создающие своеобразную синтаксическую комбинацию.

Стилевыми чертами языка документов интернациональных организаций как образцов делового стиля являются логичность, объективность, ясность, официальность, точность, стереотипность, конкретность, строгость. Однако не все они имеют одинаковое значение и не всегда реализуются одновременно. Как замечает Э. Г. Ризель, в любом стиле есть ряд признаков, среди которых выделяют главные и второстепенные. В

зависимости от разновидностей стиля, одни черты становятся первостепенными, другие – второстепенными [119]. В учредительных документах международных организаций первостепенными являются такие черты: логичность, официальность, безэмоциональность, точность и стереотипность.

Естественно, что логичность возникает в результате упорядоченной совокупности определенных языковых средств, функционирующих в соответствии с задачами реализации определенного стиливого предела. Учитывая языковые средства в функциональных стилях языка, И. Г. Гальперин отмечает: «В каждом развитом литературном языке наблюдаются более или менее определенные системы речевого выражения, отличающиеся друг от друга особенностями использования общепринятых языковых средств. В каждой из таких систем можно выделить одну группу средств, которая является основной, наиболее существенной» [29].

Как свидетельствует анализ, языковые средства, которые обеспечивают логичность как стиливую границу документов международных организаций, очевидные – международные официально-деловые документы международных организаций обладают рядом синтаксических особенностей. Благодаря усложненному синтаксису создана логическая последовательность выражения и строгое архитектурное построение текста документа. Аналогично проанализировано соотношение употребления сложных и простых предложений в текстах международных официально-деловых документов интернациональных организаций. Отметим доминирующее количество сложных предложений по сравнению с простыми. Среди сложных предложений преобладают сложноподчиненные, поскольку в сложносочиненных предложениях наблюдаем меньшее сочетание между частями предложений.

Еще одним признаком учредительных документов международных организаций является официальность. Как отмечает А. А. Ушаков, официальное общение вызывает необходимость в ответном языковом

выражении [69]. Язык учредительных документов международных организаций - это специфическая речь, что исторически сложилось. Тон официальности придают документам языковые средства, создающие эффект нейтральности, деловитости и строгости. Прежде всего, необходимо отметить роль лексических средств: слов нейтральных и книжных, заимствованных, иностранного происхождения. Определенное место занимают архаизмы (*hereby; hereinafter; thereafter; therein; hereof; hereto; thereto; thereunder, henceforth*), хотя их количество сравнительно незначительно. В международных официально-деловых документах интернациональных организаций широко используют специальную терминологию, что связано со спецификой деятельности и профилем организации.

Традиция, исторически сложившиеся требования к стилю международных официально-деловых документов интернациональных организаций, предполагают использовать такие малоупотребительные в других стилях языки выражения, как *agenda* – повестка дня; *hereinafter named* – ниже перечисленный; *extraterritorial status* – экстратерриториальный статус; *as laid down in* – как записано/утверждено; *without prejudice to* – безотносительно/независимо от; *subject ... to* – при условии и т.д.

К первостепенным чертам стиля международных официально-деловых документов международных организаций можно также отнести безэмоциональность. Официальный стиль не принимает эмоционально окрашенных слов, слов с коннотативным значением. Для языка международных официально-деловых документов характерно отсутствие образности. Например, М. М. Кожин отмечает, что образность отвлекла бы ход мысли, рассуждения, привела бы, в конце концов, к неточности, расплывчатости определений и формулировок [47].

В то же время отметим, что речь международных официально-деловых документов интернациональных организаций не является эмоционально бедной. Сравнения в учредительных документах интернациональных

организаций служат средством логического мышления. Однако эти сравнения не образны, а скорее иллюстративны. По мнению И. Р. Гальперина, «чрезмерное использование образных средств в научной прозе может привести к расшатыванию системы или, другими словами, к нарушению норм данного стиля языка» [29].

Анализ официально-деловых документов международных организаций показывает, что использование в них средств словесной образности соответствует тому состоянию, по которым система стиля является уравновешенной. Языковые средства используют для обеспечения объективно-закономерного изложения, точности, официальности сообщения.

Естественно, что в силу коммуникативных целей в учредительных документах международных организаций используют не все оттенки экспрессивности. Для них характерны только нейтральная экспрессивность и нейтральная объективность.

Эмоционально-экспрессивные средства делают более убедительными и понятными доказательства, отмечают важные моменты высказываний, более четко выражают оценку или отношение к описываемым явлениям и тому подобное.

Не менее важной стилевой чертой учредительных документов международных организаций является точность. Этот термин содержит понятие самоцели и средств его достижения. Цель документов состоит в точном выражении мнения, достоверном изложении определенных вопросов и достигается с помощью точного подбора слов, форм и конструкций, то есть выбора того оптимального варианта, наиболее адекватно выражающего нужное значение и который невозможно заменить другой грамматической формой, другими лексическими единицами и т.д.

Точность, к примеру в дипломатическом или правовом стиле – это, прежде всего, истинность передачи смысловых оттенков в документах. Точность достигают путём применения существительных. Местоимения и

слова-заменители *that, one* употребляют редко. С этой же целью используются приложения и обстоятельства.

Для более точного понимания того или иного слова (термина) в документах международных организаций иногда прибегают к его определению или объяснению в самом тексте:

Анализ международных официально-деловых документов свидетельствует, что наряду с точностью их текстам присуща стереотипность. Созданные традицией штампы для выражения мнения отличаются однозначностью и точностью. Штампы служат для экономии места и времени, а также устраняют двусмысленность высказываний.

Другой формой стереотипности есть шаблонные фразы, необходимые для оформления документа, создания его текстовой архитектуры.

Особое значение текстового шаблона заключается в том, что он помогает сообщить дополнительную информацию, настроить восприятие именно этого документа, а не другого. Например, причастные обороты в первой части резолюций и конвенций несут информацию о том, что далее следует констатация и суммирование изложенных фактов, заключение или решение. Собственное решение оформляется во второй части документа, однако уже является личной формой глагола.

Как отмечает И. Р. Гальперин, не будет преувеличением сказать, что уже сама форма документа несет информацию, поскольку отражает в определенной степени тип коммуникации [29].

В этом жанре довольно отчетливо проявляются такие черты делового изложения, как императивность, четкость, логичность, безличность, что находит отражение в синтаксисе, употреблении некоторых грамматических форм и категорий. Отметим, что каждый тип документов этого жанра имеет свою архитектуру.

Устав, например, имеет преамбулу, в которой содержится объяснение причин его принятия. Преамбула состоит из одного сложноподчиненного предложения (несмотря на слишком большие размеры в некоторых случаях)

с подчиненными предложениями причины, введенным союзом *whereas*. Главное предложение стоит в конце преамбулы и предшествует всему тексту устава. А, например, заключительная фраза «*The High Contracting Parties agree to the following Constitution ...*», сигнализируя о конце преамбулы и начале текста устава, имеет структурно-семантическое значение, связывая отдельные части документа. Постоянными в преамбуле выступает ее архитектура, лексическое наполнение завершающей фразы, тип предложения.

Главную роль в семантическом единстве его частей (преамбула, основной текст, заключительные положения) играет использование форм грамматического времени. В частности, анализ свидетельствует об активном применении форм *Present Perfect* – в этой функции они подчеркивают связь действия с моментом речи. Эта форма выполняет дополнительную функцию – акцентирует внимание читателя на дальнейшем факте, который также важен. Этому способствуют лексические средства – причастие *(the) following* или глагол *to follow*. Характерно, что схожее значение *Present Perfect* реализуется и в самом тексте учредительного контракта.

Например: ...подчеркиваемые *Plenipotentiaries* имеют, в дополнение, соответствующие *following understanding which shall be regarded as integral part of the said Agreement*.

Present Perfect вместе с причастием *(the) following* как бы разделяет важность информации на две части: первая – факт сделки, вторая – положение договора.

Зафиксировано также употребление в подобном значении *Past Simple*. Например: ...*the following-agreement was concluded between ...* *Past Simple* здесь выполняет функцию постановки в центр высказываний собственно текст договора, не акцентируя внимание на другом действии.

Present Simple (Present Indefinite) на практике используется в преамбуле и заключительных положениях примерно в трети международных официально-деловых документов. Вероятно, эта форма имеет такое же

значение, что и у Present Perfect. Например: Now therefore the Parties hereto hereby agree as follows: ... agree on the following; B witness thereof the Plenipotentiaries sign and seal this Agreement.

Present Simple подчеркивает факт подписания (вывода) текста соглашения или конвенции, что сближает это его употребление с употреблением Present Perfect.

Характерно, что всем перечисленным выше временным формам в аутентичном тексте соответствует то, что прошло, совершенное действие, а не действие настоящего.

Результаты анализа временных форм при оформлении текстов международных официально-деловых документов интернациональных организаций свидетельствуют, что среди глагольных форм отличаются высокой частотностью использование формы настоящего и будущего времени, что объясняется необходимостью кратко изложить содержание.

Однако главное, что объединяет разные типы документов такого жанра, это их основная часть. Именно здесь главные черты регламентирующего жанра проявляются четко и в полном объеме. Специфика этих документов выражается в том, что некоторые категории и формы имеют свои особенности функционирования. К примеру, абзац не всегда точно определяется традиционными характеристиками. Это объясняется особенностями изучаемого жанра, такими как четкость, связанная с текстовым расчленением, стереотипностью, каноничностью. Как уже отмечено, документ содержит, как правило, статьи (articles) и пункты (provisions). Часто абзац, состоящий из одного пункта, по содержанию не является завершенной единицей и продолжается в следующем пункте (иногда и дальше). Поскольку статья в целом состоит из подобных абзацев, пунктов, она с точки зрения единства содержания превращается в один абзац.

Между всеми абзацами-пунктами не происходит разрыва в плане содержания. Многие исследователи отмечают, что одним из главных

критериев определения границ абзаца является разрыв единства содержания, отрывочность логически-смысловых связей.

Часто между абзацами-пунктами все эти критерии не выдерживают, то есть не происходит разрыва между абзацами, так что не следует категорически утверждать о тождестве сверхфразового единства и абзаца.

Принято считать, что абзац – это единица, сформированная из сложного синтаксического целого (одного или нескольких). Однако абзац - пункт может содержать одно простое предложение, иногда даже нераспространенное.

Подобные простые предложения в регламентирующем жанре имеют структурно-стилистическую нагрузку: в них строго и четко выделено и зафиксировано содержание пункта. Причем последующие абзацы-пункты могут уточнять и дополнять общий лаконичный смысл предыдущего пункта. Обычно, это находит выражение во время разделения текста в абзацах-подпунктах.

Отметим, что в абзацах-подпунктах преобладают сложные синтаксические единицы, что помогает лучшему раскрытию содержания абзаца-пункта.

В документах исследуемого жанра наблюдаем две противоречивые тенденции, что влияют на синтаксическую структуру документа:

а) стремление в одном предложении предоставить как можно больше информации с целью выразить мнение как можно более полно, что проявляется в сложном синтаксисе;

б) стремление к ясности и четкости изложения как первостепенных признаков стиля, что проявляется в делении текста на абзацы, которые в семантическом плане часто незавершенные.

В результате первой тенденции предложения стремятся к максимальной самостоятельности, средства межфразовой связи здесь развиты достаточно слабо. Вторая тенденция влечет за собой появление некоторых средств, связывающих абзацы - пункты в сверхфразовое единство.

Вопросы о средствах межфразовых связей неоднократно обсуждали отечественные и зарубежные исследователи [85].

Как свидетельствует анализ, из всех известных средств межфразовой связи лишь некоторые используют для объединения абзацев-пунктов в сверхфразовое единство.

Структурным выражением такой связи является повторение – переход предиката предыдущего предложения в субъект следующего. Если в отношении одного и того же субъекта использованы разные предикаты, то можно утверждать о параллельной связи, при которой один и тот же субъект характеризуют с разных сторон. Зарубежные исследователи называют это «комплексной конденсацией» [123]. Подобная связь цепочки характерна между абзацами-пунктами и может связывать ее в сверхфразовое единство.

Характерно, что лексическими связями между абзацами изредка употребляют субституты – личные местоимения в качестве подлежащего и дополнения, хотя иногда их соотносят с чем-то раньше или позже упомянутым, где они образуют коммуникативную единицу, большую, чем просто предложение. Это связано с каноничностью документа изучаемого жанра: за ссылку на любой пункт было бы очень неудобно восстанавливать субституты, ссылаясь на другие пункты документа. Это могло бы повлечь за собой нечеткость и непонятность изложения.

Таким образом, можно предположить, что абзацы-пункты, связанные личным местоимением в качестве подлежащего (субститут), образуют сверхфразовое единство. Это свойство обуславливает достаточно высокую частоту повторяемости в учредительных документах не только подлежащее, но и других членов предложения, часто отдельных его частей.

Повторение, как лексическая связь абзацев-пунктов, широко представлено в исследуемом жанре. Он имеет синтаксическое значение, поскольку указывает на структурное соотношение предложений.

Несмотря на стремление к точности и четкости изложения мнения, в документах не удастся обойтись без слов/фраз-замен, поскольку размеры

документа были бы значительными. В целях лаконичности и краткости представления материала определенные слова, фразы, пункты заменяют субститутами, такими как *the said, the foregoing, so, in question, same, such, proceeding* тому подобное.

Кроме указанных синтаксических и лексических видов связи, существует сквозная связь между абзацами одной статьи, иногда даже совмещенной со следующей. Эта связь касается главного контекста, что служит основой содержания статьи (статей).

Существительное *complaint* присутствует во всех абзацах трех вышеприведенных статей, содержание которых – возможные действия разных сторон, связанные с жалобой. В тематическом плане эти статьи образуют единство, поскольку предыдущие и последующие характеризуются разрывом в плане как лексического оформления, так и содержания. Подобный вид связи достаточно распространен в документах регламентирующего жанра.

Для концентрации внимания общетематического контекста статьи ей дают название, в котором конкретизируют содержание. В этом случае абзацы - пункты статьи образуют сверхфразовое единство, поскольку их содержание касается общего контекста. Характеризуя сверхфразовое единство, И.Г. Гальперин отмечает: «Вчитываясь в более или менее однотипные тексты, мы начинаем видеть структурные особенности данного текста и, как следствие, понимание его содержания облегчается» [28, 68].

Таким образом, в международных официально-деловых документах интернациональных организаций благодаря жанровым стилистическим особенностям вырабатываются определенные нормы применения грамматических и синтаксических конструкций. Отбор тех или иных конструкций и форм, их систематическое и преобладающее употребление, а также изменение специфики функционирования и даже природы некоторых категорий свидетельствуют о взаимодействии всех уровней языка, тесной связи между лингвистическими (языковыми) и экстралингвистическими

факторами. Эти черты являются составляющими дипломатично регламентирующего подстиля, к которому, по нашему мнению, относятся международные официально-деловые документы международных организаций, характеризующиеся чертами терминологической, функциональной окраски.

Выводы по главе 3

Выполненный анализ дает основания утверждать, что учредительные документы международных организаций (устав, хартия, конвенция и т.п.)

относятся к дипломатично-регламентационному подстилю, поскольку, с точки зрения юриспруденции, они составляют по своей юридической природе различные типы документов.

Установлено, что по структуре и содержанию международные официально-деловые документы международных организаций являются международными соглашениями. В то же время, эти документы имеют определенные особенности, ведь в них изложена политическая воля государств к совместному решению вопросов в межгосударственных отношениях. Их структурными единицами являются наименование, преамбула, основная часть и заключительные положения.

Проанализировав особенности организационной структуры текстов учредительных договоров, выявлена характерная особенность каждого структурного элемента – его соответствующее терминологическое наполнение.

На основе выполненного анализа преамбул выяснено, что существует два вида преамбулы: традиционная (полная) и современная (упрощенная).

В традиционной преамбуле выделяют следующие составляющие: наименование государств или органов, от имени которых или по доверенности которых заключают договор; предпосылки заключения договора; мотивы (интенции) заключения договора; цель заключения договора; уведомление о намерениях заключить сделку; вводная формула согласия. Упрощенная преамбула содержит только список договорных сторон, но не выражает мотивов заключения контракта.

В основной части международного официально-делового документа представлены конкретные нормы, принципы и механизмы функционирования института. Разделение документа на разделы, главы, статьи, параграфы, пункты и части облегчает пользование текстом договора и дает возможность четко очертить содержание волеизъявления сторон.

Тексты международных официально-деловых документов международных организаций отличаются использованием специальной

терминологии, характерной для указанного типа документов, что дает основания констатировать их принадлежность к общественно-политическому тексту, создание которого происходит в социально-политическом дискурсе через коммуникативную деятельность государств-членов международных организаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тексты международных официально-деловых документов международных организаций являются выражением интересов участников

(государств-членов), направленных на реализацию конкретных целей в процессе развития сотрудничества в определенной области с учетом принятого делового этикета. В таком видении текст международного официально-делового документа служит, с одной стороны, результатом коммуникативной деятельности (переговоров) между разными государствами, а с другой – своеобразной декларацией (благодаря информативному характеру) цели, механизмов деятельности институтов международного сотрудничества. Такого типа тексты, созданные в целях или в результате социально-общественной или политической деятельности, функционируют как проявление межкультурной, общественной и политической коммуникации, направленной на реализацию социальных, правовых или политических целей общественных, социальных групп или государств. Эти документы закрепляют на международной арене социально-общественную политическую волю акторов международных отношений.

Международные официально-деловые документы международных организаций трактуем, прежде всего, как продукт общественного или политического процесса, что происходит на межгосударственном уровне, а не только как результат применения международно-правовых норм. Тексты международных официально-деловых документов международных организаций сочетают в себе информативность, директивность и характеризуются контекстной окраской.

Следует констатировать междисциплинарность текстов международных официально-деловых документов международных организаций и невозможность применения для их анализа и классификации чисто лингвистической модели типологизации. Учитывая систему критериев, тексты международных официально-деловых документов международных организаций отнесены к политическим текстам, создание которых тесно связано с общественным и политическим дискурсом. По своим стилевым характеристикам они относятся к юридическому стилю

(регламентационному подстилю), хотя остается открытым вопрос об аргументированности такого размещения в классификации документов.

Характерным для текстов учредительных документов есть употребление терминов латинского и греческого происхождения.

Императивный, распорядительный характер таких документов как конвенция, устав, конституция, соглашение, декларация, хартия, обусловил высокую частотность инфинитивов в текстах международных официально-деловых документов интернациональных организаций.

На морфологическом уровне заметна высокая частотность существительных. Действия и процессы передают отглагольные существительные.

Учредительные документы международных организаций обладают рядом синтаксических особенностей. Благодаря усложненному синтаксису создана логическая последовательность выражения и строгое архитектурное построение текста документа.

Главным принципом построения международного официально-делового документа есть принцип целостности: все составляющие договора взаимосвязаны и каждую из них необходимо толковать и реализовывать в контексте других.

Международные официально-деловые документы международных организаций составляют отдельную группу международно-правовых документов, для которых, кроме сугубо правовой специфики, характерным является отражение в них межкультурной социально-общественной и политической коммуникации между акторами международных отношений, благодаря таким текстам транслируют политическую волю людей.

Проанализированы функционально-стилистические и дискурсные особенности текстов международных официально-деловых документов интернациональных организаций. По стилистическим характеристикам международные официально-деловые документы интернациональных организаций относятся к дипломатично-регламентационному подстилю.

Язык документов интернациональных организаций характеризуется такими стилистическими чертами, как логичность, официальность, безэмоциональность, точность, стереотипность.

Исторически сложившиеся требования к стилю международных официально-деловых документов интернациональных организаций предусматривают использование устоявшихся языковых формул и блоков текстов, которые по синтаксическому строению напоминают словосочетание или модели предложений. Особенностью языковых формул является то, что они нерасчлененно выражают понятие и имеют отчетливую форму синтаксического словосочетания.

Для текстов международных официально-деловых документов интернациональных организаций характерны связность, целостность, информативность и завершенность, благодаря чему текст воспринимается как единое целое.

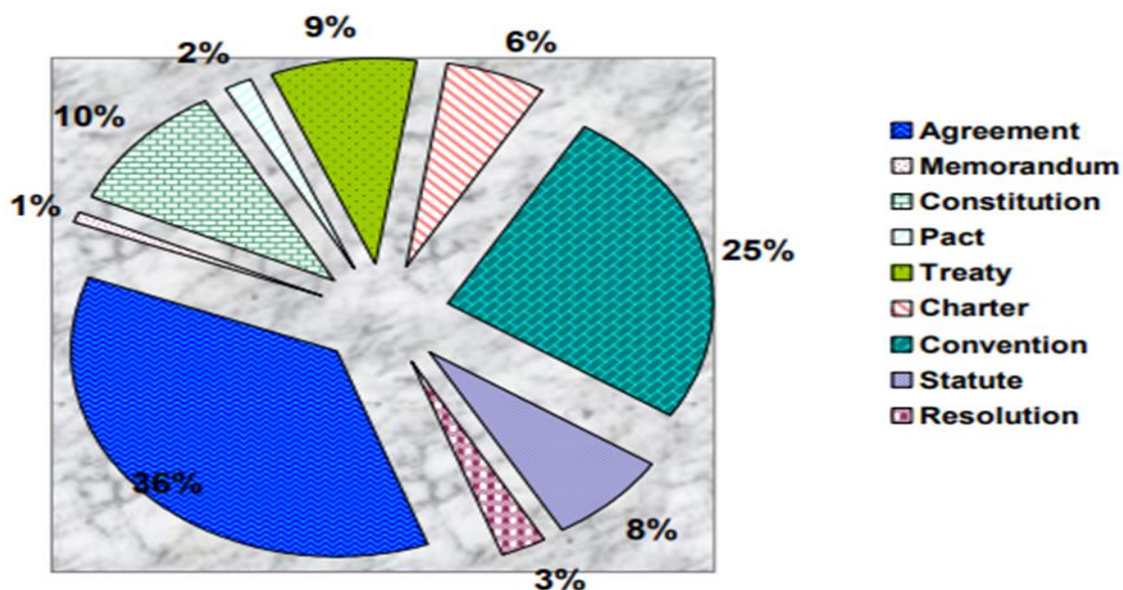
Проанализировав дискурсные свойства международных официально-деловых документов интернациональных организаций, мы пришли к выводу, что текстам международных официально-деловых документов интернациональных организаций как целостному тексту присущи связность, целостность, информативность и завершенность. Что касается категории информативности как свойства текста, то акцент сделан на коммуникативном аспекте информационного процесса.

Полученные результаты исследования текстов международных официально-деловых документов интернациональных организаций можно применить в качестве основы в дальнейших научных разработках в области социально-общественной и политической лингвистики, а также их можно использовать для углубленного толкования социального и политического дискурса.

В доктрине международного права некоторые авторы пытались выяснить вопрос, почему некоторые категории международных договоров имеют именно такие названия, однако они не смогли выработать четкую

систему названий и классификации договоров. Как считают исследователи, юридического различия в наименованиях интернациональных договоров нет, как нет и общепризнанной классификации таковых наименований. Отметим, что вопрос избрания того или иного наименования и в лингвистической науке остается открытым. В этом контексте можно высказать следующее предположение: выбор заглавия частенько обуславливается лингвистическими факторами участников контракта. Целесообразным представляется рассмотреть вопрос о специфике использования широкого спектра наименований международных документов через призму лингвистики и этимологической составляющей.

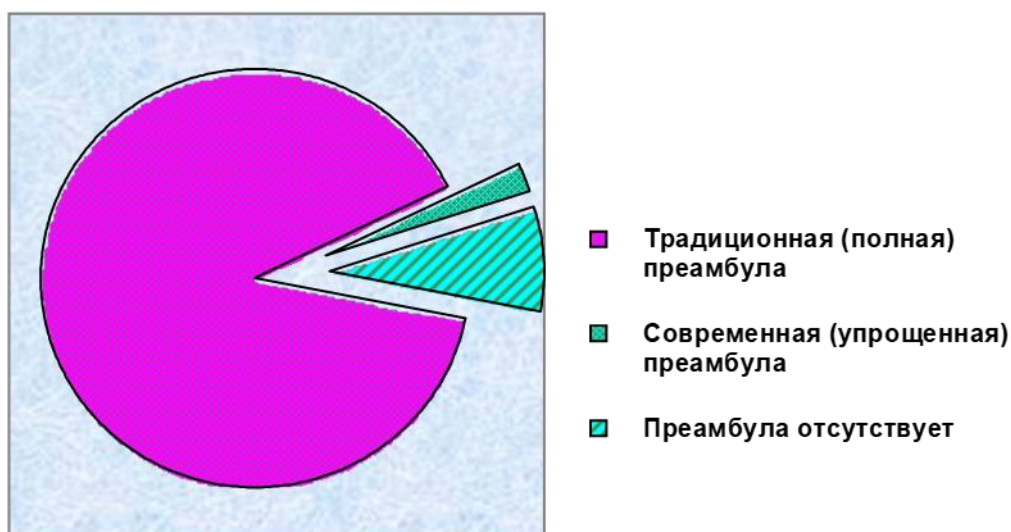
Для этого проанализируем частоту использования в наименованиях документов международных межправительственных организаций некоторых наиболее распространенных терминов: договор, конвенция, устав, конституция, хартия, меморандум, декларация.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Типы преамбулы учредительных документов международных организаций

Как свидетельствуют результаты исследований, из проанализированных учредительных документов международных организаций около 93% имеют преамбулу первого типа, около 6% – второго; около 0,1% документов не имеют преамбулы [58].

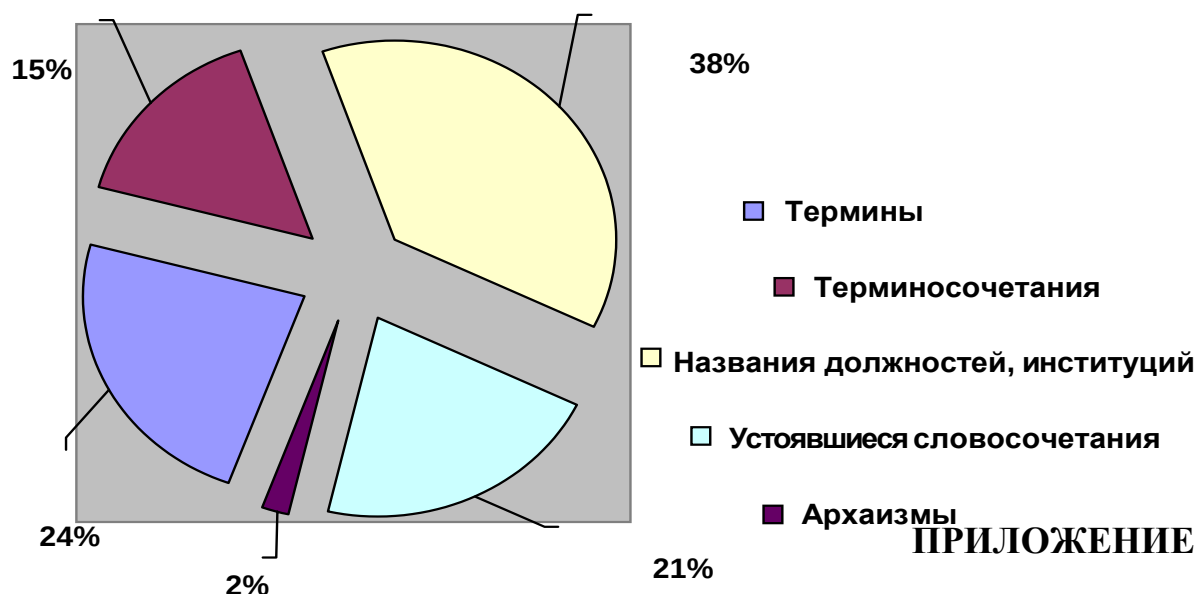
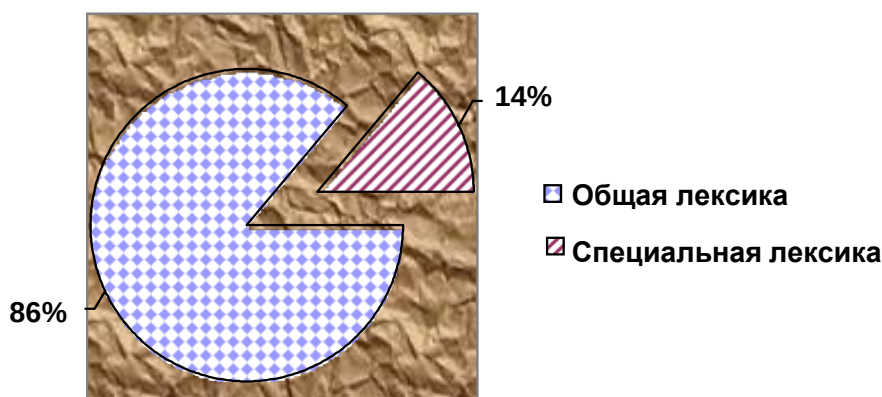

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Соотношение употребления общей и специальной лексики в текстах международных документов интернациональных организаций

Общепотребительная лексика взаимообусловлена и связана со специальной лексикой, а также аббревиатурами и сокращениями. Выделяют две тематические группы специальной лексики: полное и точное название документов и лексика, связанная со договаривающимися сторонами с заключением договоров, их подписанием. Именно специальная лексика создает стиль, характерный для международных документов. Она придает ему черты официальности, строгости [90].

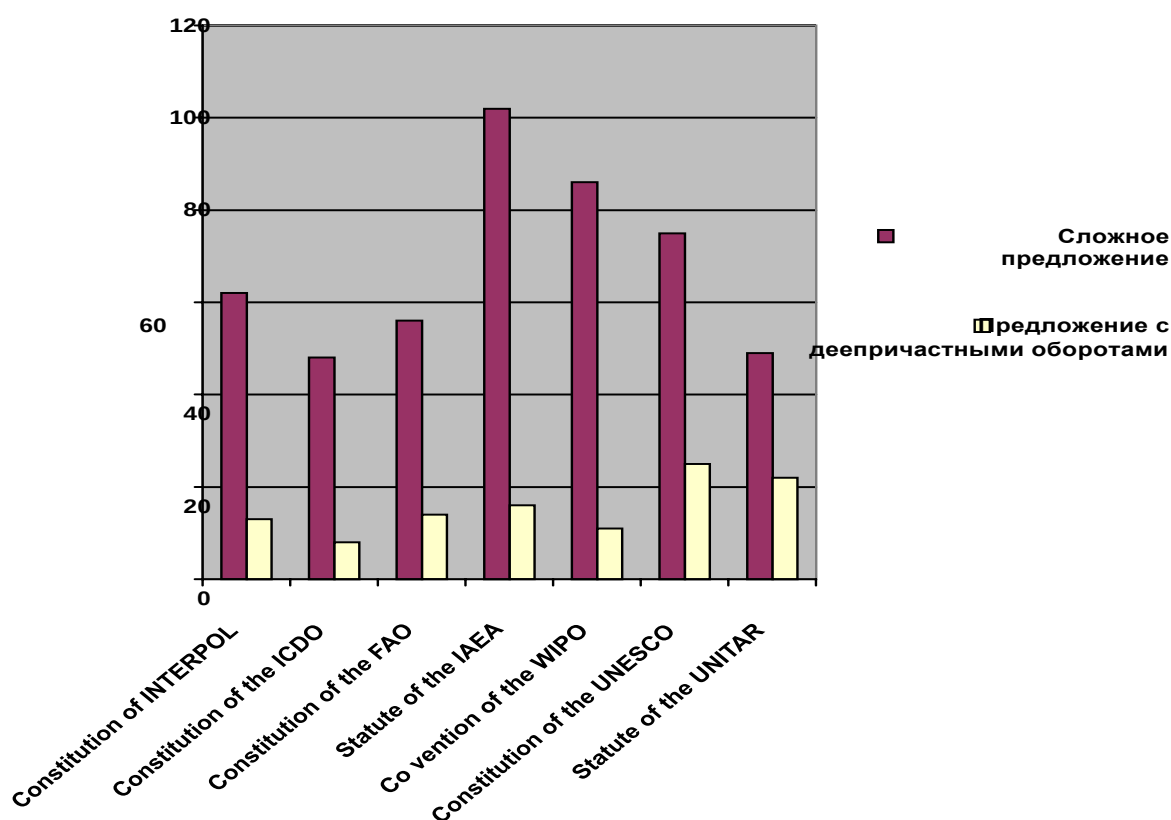
В специальную лексику мы отнесли термины, терминосочетания, названия должностей и институтов, архаизмы, устоявшиеся словосочетания.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

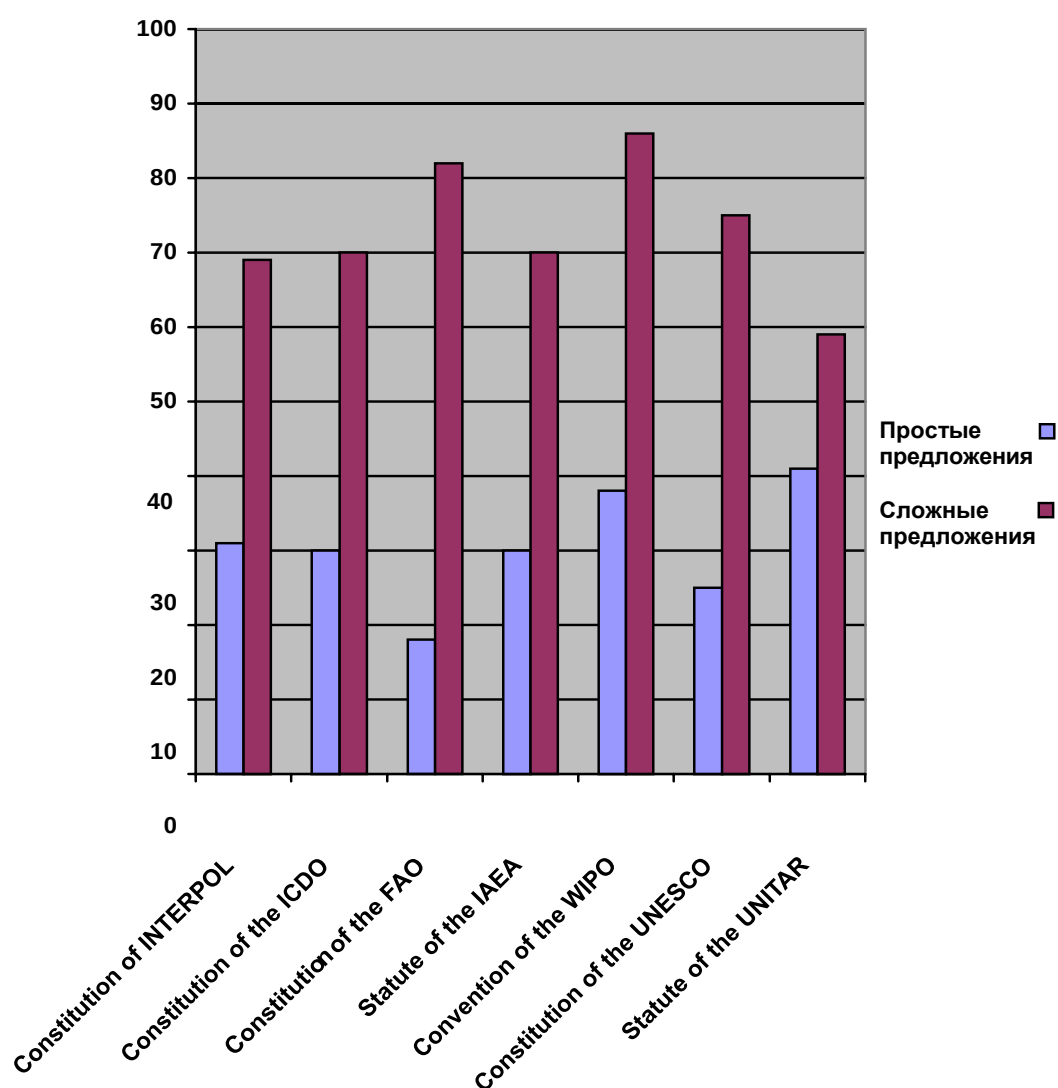
Соотношение употребления предложений с причастными оборотами в текстах учредительных документов международных организаций

На синтаксическом уровне для англоязычных текстов документов международных организаций характерно использование предложений с причастными и деепричастными оборотами, подрядных предложений, однако при этом содержание предложения не теряется благодаря членению его на отдельные блоки, создающие своеобразную синтаксическую комбинацию [14]. Сравнительный анализ свидетельствует, что частотность употребления предложений с причастными оборотами колеблется в пределах 20–25%.

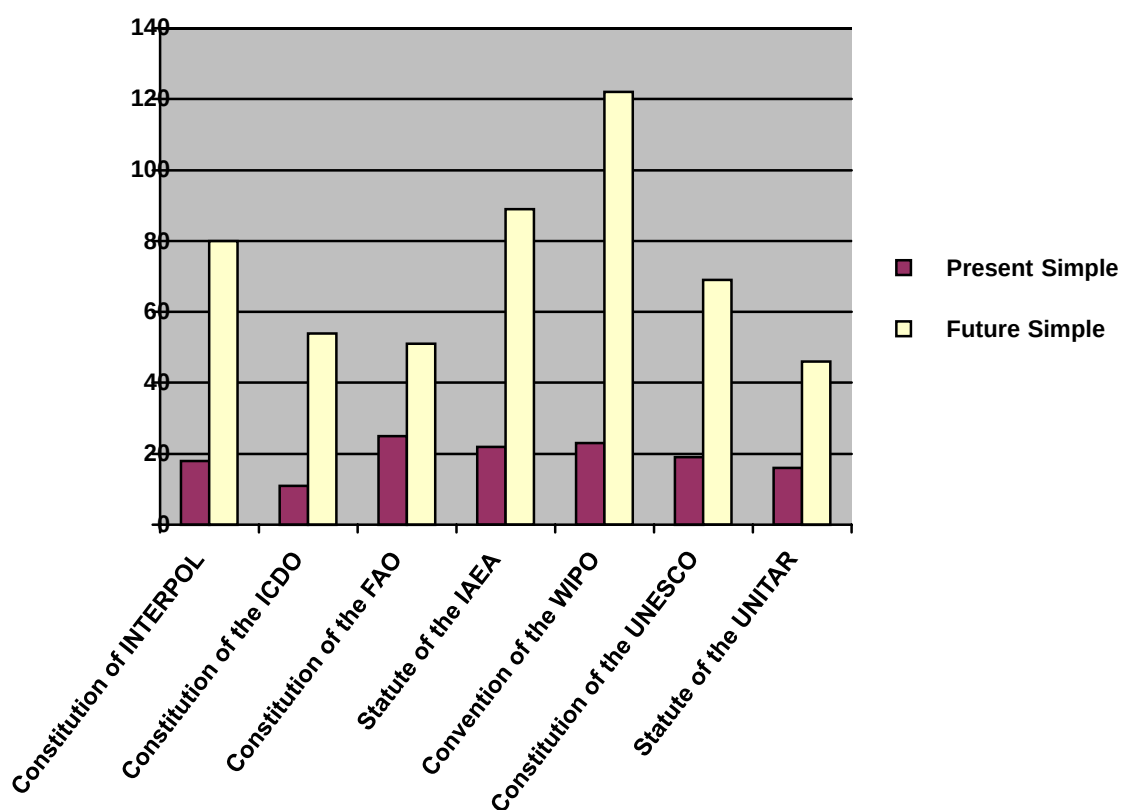
Соотношение простых и сложных предложений в текстах международных документов интернациональных организаций

Учредительные документы международных организаций обладают рядом синтаксических особенностей [37]. Выяснено, что доля сложных предложений достигает от 60% до 85%, а простых – от 20% до 40%. Среднестатистическое значение составляет 70% и 30% соответственно.

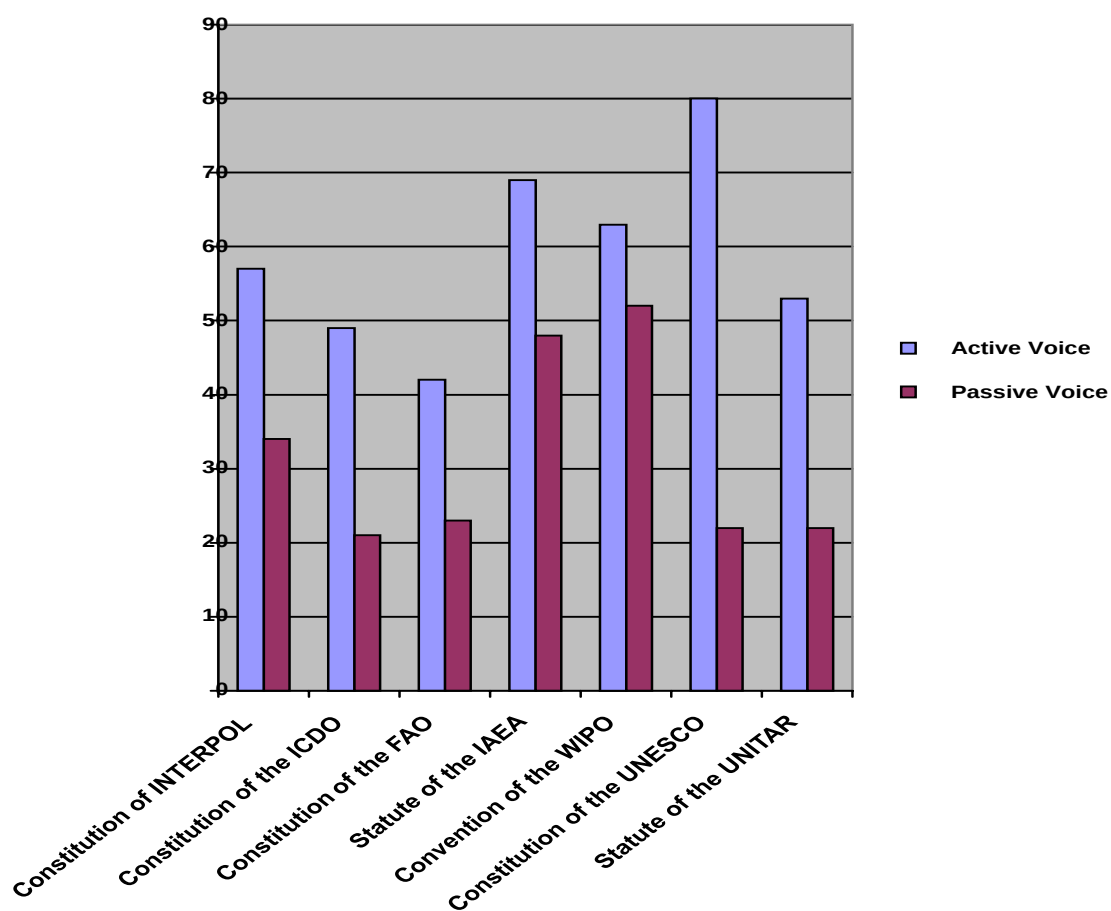
Соотношение применения Present Simple и Future Simple в текстах международных документов интернациональных организаций

Результаты анализа временных форм при оформлении текстов учредительных документов международных организаций свидетельствуют, что среди глагольных форм отличаются высокой частотностью использования формы настоящего и будущего времени, что объясняется необходимостью кратко изложить содержание [90].

Соотношение форм активного и пассивного состояния в текстах международных документов интернациональных организаций

Достойным внимания, по нашему мнению, анализ частоты употребления форм активного и пассивного состояний. Благодаря выполненному анализу выяснено, что более 40 % предложений в текстах международных документов представлены в форме пассивного состояния [56].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аль-Дарабсе, А. М., et al. "Технологии межкультурной коммуникации и межэтнические отношения в формировании гражданских компетенций студентов." Инновационные технологии в высшем образовании: материалы Национальной научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава. 16 декабря 2020 года. - Ульяновск : УлГАУ, 2021.
2. Арутюнов А. Р. Интенции диалогического общения и их стандартные реализации (Проект «Банки методических данных»: каталог коммуникативных единиц, интенции) : справочник / А. Р. Арутюнов, П. Г. Чеботарев // Русский язык за рубежом. – 1993. – № 5–6. – С. 75–82.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 137.
4. Арутюнян, М. П. "Мировоззрение и образование: контексты межкультурной коммуникации." The Scientific Heritage 68-5 (2021): 38-40.
5. Бабайлова А. Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку / А. Э. Бабайлова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 152 с.
6. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. – Екатеринбург, 2000. – 534 с.
7. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 182 с.
8. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М., 2001. – 358 с.
9. Барт Р. От произведения к тексту / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова // Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
10. Басанова, Т. В. Понятие этнической картины мира в контексте межкультурной коммуникации / Т. В. Басанова // Современные проблемы

филологии, методики преподавания иностранных языков и межкультурная коммуникация в мультимедийном пространстве : Материалы Международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов, Астрахань, 18 марта 2021 года / Сост. Е.И. Сернова. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом "Астраханский университет", 2021. – С. 100-103.

11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

12. Бенвенист Э. Общая лингвистика : пер. с франц. / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.

13. Берсунукаева, М. Х. Теоретическое обоснование поликультурного воспитания и концептуальные подходы к условиям его реализации в образовательных учреждениях / М. Х. Берсунукаева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 8-3(110). – С. 29-32.

14. Белоус, Е. С. Терминологическая номинация в сфере работы с документами: термины, обозначающие элементы организационных структур // Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Орел, 16 декабря 2020 года. – Орел: Орловский государственный институт культуры, 2021. – С. 192-196.

15. Богатырева, Х. Д. Концепт «чужой» в межкультурной коммуникации / Х. Д. Богатырева // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей Международной научно-практической конференции, Казань, 12 августа 2021 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "ОМЕГА САЙНС", 2021. – С. 13-15.

16. Богданов В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов.

17. Бондарко О. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / О. В. Бондарко. – СПб., 2001. – 260 с.

18. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – 4-е издание. – М. : Либроком, 2011. – 288 с.
19. Борисова, С. А. Понятие "индивидуального" и "коллективного" в контексте межкультурной коммуникации / С. А. Борисова, Е. И. Крашенинникова // Современные исследования социальных проблем. – 2021. – Т. 13. – № 1-2. – С. 144-151.
20. Брайт У. Введение: параметры социолингвистики / У. Брайт // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1975. – С. 34–41. – (Социолингвистика ; вып. VII).
21. Брандес, М. Стилистика текста. Теоретический курс. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 208с.
22. Бурдьё П. Начала / П. Бурдьё ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – Москва: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
23. Буркова, О.И. Понимание в межкультурной коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. №1. 2021.: с. 30-34.
24. Валгина Н. С. Теория текста : учебное пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2004. – 280 с.
25. Валеева, Р.С. Развитие академической мобильности в системе высшего образования Китая. (2018).
26. Васильева А. Н. Основы культуры речи / А. Н. Васильева. – М., 1990. – 248 с.
27. Виноградов С. И. Нормативный и коммуникативно- прагматический аспекты культуры речи / С. И. Виноградов // Культура русской речи и эффективность общения. – М. : Наука, 1996. – С. 139–151.
28. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак ; пер. с англ. и нем. Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.
29. Гальперин И. Р. О понятии «текст»// Вопросы языкознания. 1974. №6. С.68–77.

30. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 2009. – 144 с.
31. Гизатулин С. Л. Семантическая экономия и избыточность в речи / С. Л. Гизатулин // Филологические науки. – 2001. – № 2. – С. 75–84.
32. Гойхман О. Я. Основы речевой коммуникации/ О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. – М., 1997. – 272 с.
33. Горбылева, А.В. Коммуникативная аккомодация в области межкультурной коммуникации / А. В. Горбылева // Новый мир. Новый язык. Новое мышление : Сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Москва, 03 февраля 2021 года. – Москва: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2021. – С. 28-34.
34. Городецкий Б. Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения / Б. Ю. Городецкий // Язык и социальное познание. – М., 1990.
35. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
36. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т. М. Дридзе. – М. : Наука, 1984. – 232 с.
37. Дьякова, В. В. Особенности формирования фреймов социальных представлений / В. В. Дьякова // Образование, наука и технологии: проблемы и перспективы : сборник научных трудов по материалам II международной научно-практической конференции, Москва, 30 декабря 2019 года / Под общ. ред. А.В. Туголукова. – Москва: Индивидуальный предприниматель Туголуков Александр Валерьевич, 2019. – С. 312-315.
38. Дягилев, В. В. Межкультурные коммуникации и столкновение идеологий в эпоху глобализма / В. В. Дягилев, Ю. А. Лаамарти // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2021. – Т. 10. – № 3. – С. 24-30.
39. Кубрякова, О. В. // Категоризация мира: пространство и время : материалы научной конференции. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – С. 19– 20.

40. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 160 с.
41. Заботкина, В. И. Межкультурная коммуникация: ментальные структуры и когнитивные механизмы / В. И. Заботкина // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 2(45). – С. 166-171.
42. Каменская О. Л. Текст и коммуникация / О. Л. Каменская. – М. :Высш. шк., 1990. – 152 с.
43. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. трудов / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 185–197.
44. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.
45. Ковшикова Е. В. Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. В. Ковшикова. – Волгоград, 1997. – 20 с.
46. Кожина М. М. Стилиевые черты// Стилистический энциклопедический словарь; под ред. Кожиной М.М. М.: Флинта. Наука, 2003. С.403–408.
47. Кожина, М. М. Предмет риторики в парадигме речеведческих дисциплин (взгляд со стороны стилистики)// Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2000.
48. Кожина, М.М. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. Пермь, 2002. 475с.
49. Колшанский Г. В. О языковом механизме порождения текста / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 44–51.
50. Конецкая В. П. Социология коммуникации / В. П. Конецкая. –
51. Корнеева, Т. А. Диалектический подход к межкультурной коммуникации / Т. А. Корнеева // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 15 апреля 2021 года. –

Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 26-28.

52. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения/ Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. – М., 2001. – Т. 1. – С. 72– 81.

53. Кубрякова Е. С. Текст и его понимание / Е. С. Кубрякова // Русский текст. – 1994. – № 2. – С. 18–27.

54. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М. : Рос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144–238.

55. Кужевская, Е. Б. Междисциплинарный подход к формированию навыков межкультурной коммуникации // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 1. – С. 318-322.

56. Кульгав, М. П. Основные стилевые черты и синтаксические средства их реализации в современной немецкой научно-технической речи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1964. 26 с.

57. Кучик Г. Б. Политический текст как элемент коммуникативной деятельности в концепции политической лингвистики / Г. Б. Кучик // Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка : коллективная монография ; под ред. А. Г. Бердниковой. – Новосибирск : СибАК, 2013. – С. 229–246.

58. Кучик, Г. Б. Концептуальные вопросы коммуникативного содержания политического текста // European Journal of Literature and Linguistics, «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2015. №4. Pp. 2–5.

59. Кушнир, О. Н. Наименования видов документов в аспекте их функционального назначения // Казанская наука. – 2020. – № 11. – С. 62-65.

60. Лексикологические и стилистические проблемы функционирования слова и словосочетания: сборник статей / отв. ред д-р филол. наук, проф. И. Р. Гальперин. М., 1980. 432с.

61. Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности/ А. А. Леонтьев. – М., 1974. – 368 с.
62. Ли Же. Дискурс как единица исследования: научные школы, понимание термина / Же Ли // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь : ТНУ, 2006. – Т. 19(58). – № 2. – С. 232–237.
63. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М., 1996. – 464 с.
64. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. 384 с.
65. Лотман, Ю. М. Текст и функция // 3-летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тарту. 1968. С.74–88.
66. Лыткин, В. В., Гегамян Ю. А.. Аксиологические проблемы межкультурных коммуникаций." Гуманитарные ведомости ТГПУ им. ЛН Толстого 2 (38) (2021): 84-91.
67. Лявинец, Н. К. Проблемы межкультурной коммуникации: вопросы культуры в различных контекстах / Н. К. Лявинец // Наука сегодня: вызовы и решения : материалы международной научно-практической конференции, Вологда, 27 января 2021 года. – Вологда: ООО «Маркер», 2021. – С. 66-67.
68. Дымарский М. Я. // Текст как объект многоаспектного исследования : сб. статей научно-методического семинара «Textus». – СПб.; Ставрополь : Изд- во СГУ, 1998. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 18–26.
69. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров – М. : Гнозис, 2003. – 275 с.
70. Мацкевич, Е. Э. Межкультурная сенситивность как необходимый фактор эффективной межкультурной коммуникации иностранных обучающихся / Е. Э. Мацкевич, Т. Г. Широкогорова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – Т. 10. – № 1(34). – С. 363-366.

71. Международное право/ под ред. Н. А. Ушакова. М.: Юрист, 2000. 303с.
72. Михайлова, А. Г. Культурная идентичность как критерий поликультурной компетентности / А. Г. Михайлова // Modern Science. – 2021. – № 1-1. – С. 279-283.
73. Михальская А. К. Педагогическая риторика: история и теория / А. К. Михальская. – М. : Академия, 1998. – 432 с.
74. Михельсон, Светлана Викторовна. "Межкультурная коммуникация в контексте делового взаимодействия: теоретические и практические аспекты." Вестник Челябинского государственного университета 2 (448) (2021): 45-53.
75. Непоклонова, Е. О. Формирование поликультурной образовательной среды в процессе подготовки современных специалистов / Е. О. Непоклонова, Л. В. Кипнес, П. В. Токарева // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6(85). – С. 289-292.
76. Николаев, В. Л., Антонова Н. А.. "Культура и межкультурная коммуникация." E-Scio 2 (53) (2021): 724-729.
77. Николаева Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М., 2000. – 680 с.
78. Стросон П. Ф. Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. XVII. – С. 151–170.
79. Паршин П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики [Электронный ресурс] / П. Б. Паршин. – Режим доступа : <http://www/elections.ru/biblio/lit/parshin.htm>.
80. Попова Е. А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью) : автореф. дисс канд. филол. наук / Е. А. Попова. – Волгоград, 1995. – 20 с.
81. Распутин, А. Д., and А. И. Павлова. "Некоторые основные культурологические и психологические концепты для межкультурной коммуникации." 2021. 186 с. Селиванова Е. А. Основы лингвистической

теории текста и коммуникации : монографическое учебное пособие / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.

82. Сердюкова, Н. А. Межкультурная коммуникация и стереотипы / Н. А. Сердюкова, Ю. В. Серикова, А. В. Лебеденко // Материалы и методы инновационных научно-практических исследований и разработок : сборник статей Международной научно-практической конференции, Оренбург, 12 сентября 2021 года. – Уфа: ООО «ОМЕГА САЙНС», 2021. – С. 81-85.

83. Серио П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / пер. с франц. и португ. – М. : Прогресс, 1999. – С. 12–53.

84. Сизикова, Т. Э. Методологические основания модальной психологии рефлексии // Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 72. – С. 21-45.

85. Слышкин Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 38–45.

86. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М.: Высшая школа, 1991. 182с.

87. Соссюр Ф. де. Курс загальної лінгвістики / Ф. де Соссюр. – К.: Основы, 1998. – 331 с.

88. Стриженко, А. А. Художественный текст как особая форма коммуникации// Лингвистика текста: сб. науч. трудов. М., 1976. Вып.103. С.151–161.

89. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах.

90. Столяров, Ю. Н. Исходные постулаты документологии - всеобщей теории документа // Научные и технические библиотеки. – 2021. – № 2. – С. 15-40.

91. Сумарокова, В.Ю. "Проблемная специфика межкультурной коммуникации и пути её решения." И90 Исторический путь России: из прошлого в будущее (2021): 500 с.

92. Тихомирова, Н. Л. Формирование межкультурной компетенции. Что влияет на успех межкультурной коммуникации? / Н. Л. Тихомирова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10. – № 1(34). – С. 281-283.
93. Тодоров Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров // Семиотика. – М., 1983. – С. 355–369.
94. Тураева З. Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика / З. Я. Тураева. – М., 1986. – 127 с.
95. Тюпа В. И. Очерк современной нарратологии / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2002. – Вып. 5. – С. 5–31.
96. Тюриков, А. Г. Концептуальные подходы к моделированию эффективной межкультурной коммуникации в глобальном мире / А. Г. Тюриков // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2021. – Т. 10. – № 2. – С. 35-42.
97. Фуко М. Археология знания / М. Фуко ; пер. с фр. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
98. Хартман П. Текст, тексты, классы текстов / П. Хартман // Проблемы теории текста. – М., 1978. – С. 168–185.
99. Чижевская, Е.Е. Дискурс политика // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов,; сб. науч. трудов; под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: Белгосуниверситет. 1998. Вып. 1. С.161–170.
100. Чувакин А. А. Заметки об объекте современной филологии / А. А. Чувакин // Человек–Коммуникация–Текст : сб. статей. – Барнаул, 1999. – Вып. 3. – С. 3–11.
101. Чувакин А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования / А. А. Чувакин. – Барнаул, 1995. – 126 с.
102. Чувакин А. А. Теория текста: объект и предмет исследования / А. А. Чувакин // Критика и семиотика. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2004. – Вып. 7. – С. 88–97.

103. Чумакова, Т. Н. Стереотипы, предрассудки и их роль в межкультурной коммуникации / Т. Н. Чумакова, Л. Б. Бирючинская // Заметки ученого. – 2021. – № 6-1. – С. 542-546.
104. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : автореф. дис.... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 36 с.
105. Шестакова, Ю. В. Проявление эмпатии в межкультурной среде / Ю. В. Шестакова // Студент и наука (гуманитарный цикл) - 2020 : Материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 16–20 марта 2020 года / Гл. редактор Н.Н. Макарова, отв. редактор М.С. Закамалдина. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2020. – С. 1110-1115.
106. Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. – 460 с.
107. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001. 384 с.
108. Bradac J. J. Power in Language // S. H. Ng. Newbury Park: Sage, 1993.
109. Beaugrande R.–A. de. Introduction to Text Linguistics / R.–A. de Beaugrande, W. Dressler. – London : Longman, 2002.
110. Brendel, A. Textanalysen. München: Manz-Verlag, 1977.
111. Cook G. The Discourse of Advertising / G. Cook. – London and New York : Routledge, 1992.
112. Dijk T. van. Political Discourse and Political Cognition.
113. Dijk T. A. van. Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition. Erlbaum Associates, 1981.
114. Eigenwald, R. Textanalytik // Fischer-Lichte, Reinhard Lücke. Verlag, 1978.
115. Ellis D. G. From Language to Communication. New Jersey, 1992.

116. Fairclough N. Critical Discourse Analysis / N. Fairclough, R. Wodak // Discourse and Social Interaction. Discourse Studies ; ed. T. van Dijk. – London : Sage, 1997. – P. 67–97.
117. Harris Z. S. Discourse Analysis / Z. S. Harris // Linguistic Society of America. Language. – № 28(1). – 1952. – P. 1–30.
118. Heinemann, W. Textsorten. Zur Diskussion um Basisklassen des Kommunizierens. Rückschau und Ausblick// Textsorten. Reflexionen und Analysen. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 2007. Pp.9–29.
119. Kress G. Ideological Structures in Discourse / G. Kress // Handbook of Discourse Analysis. – Vol. 4. – London : Academic Press, 1985. – P. 27–42.
120. McCarthy M. Spoken Discourse Markers in Written Text/M. McCarthy // Techniques in Description: Spoken and Written Discourse. – London : Routledge, 1993. – P. 170–182.
121. Riesel E. Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation. Hochschulverlag, Moskau, 1974.
122. Salkie R. Text and Discourse Analysis / R. Salkie. – London : Routledge, 1995.
123. Schiffrin D. The Handbook of Discourse Analysis / D. Schiffrin, D. Tannen, H. H. Ehernberger. – Oxford : Blackwell publishing, 2001.
124. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Oxford : Blackwell, 1984.
125. T. A. van Dijk // Politics as Text and Talk: Analytical Approaches to Political Discourse; P. A. Chilton, C. Schäffner (eds.). – Amsterdam: John Benjamins, 2002.
126. Techtmeier, B. Das Gespräch: Funktionen, Normen und Strukturen // Akademie-Verlag, 1984.
127. Nieto S. Affirming Diversity: the Sjiopolitical Context of Multicultural Education. Nieto Sonia. Longman, 2000.

